

На правах рукописи

Яхутль Юрий Асланбиевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ
С КАЗАЧЕСТВОМ И КРЕСТЬЯНСТВОМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
1921–1929 гг. (НА ПРИМЕРЕ КУБАНИ И ДОНА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук**

Краснодар 2020

Работа выполнена на кафедре истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный консультант:

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории ФГБУН «Институт российской истории РАН», Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва);

Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, директор научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Новочеркасск);

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный аграрный университет».

Защита состоится «24» декабря 2020 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Кубанского государственного университета: E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Минобрнауки России: <http://vak.ed.gov.ru>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Политика большевиков периода 1921–1929 гг. получившая название «новая экономическая политика» (нэп), стала определяющим фактором переходного периода в кризисной ситуации, охватившей страну в начале 1920-х гг. Нарастающий общенациональный кризис заставил большевиков изменить стратегию социалистической реконструкции российского общества. Определяющим фактором содержания реформ стала потребность восстановления и развития аграрного сектора экономики, формирования новых форм взаимоотношений власти и общества.

Экономические и политические реформы периода нэпа предоставляли возможность выбора методов хозяйствования. Однако земельная и продовольственная политика большевиков, основанная на классовых принципах, вызвала социальную дифференциацию российской деревни и рост числа середняцких хозяйств, которые на определенной стадии восстановления продемонстрировали отсутствие потенциала развития. Большевики активно формировали низовые советско-партийные органы, которые становились не только проводниками новой политики, но оставались носителями военно-коммунистических методов руководства, тем самым продолжая провоцировать конфликтную ситуацию во взаимоотношениях с казачеством и крестьянством Юга России.

Причисляя Россию к так называемым транзиторным обществам,¹ мы определили особенности переходного периода 1920-х гг. Рыночные реформы 1990-х гг. фактически стали возвращением к модернизационным процессам в российской деревне 1920-х гг., которые так и не завершились естественным для капитализма развитием аграрного сектора экономики и института частной собственности на землю. В 1920-е гг. задачи, которые стояли перед государством по преобразованию крестьянских хозяйств, нуждавшемся в высокотоварном сельском хозяйстве, были реализованы лишь частично, посредством политического компромисса между правящей партией и основной массой населения – крестьянством, другими примыкавшими к нему социальными группами.

Тема исследования актуальна в теоретико-методологическом, конкретно-историческом и конкретном плане. В теоретико-методологическом – это разработка нового понимания нэпа как закономерного эволюционного периода в развитии поземельных отношений в стране с многоукладной экономикой. Конкретно-историческая актуальность данной темы обусловлена необходимостью создания системной картины региональных процессов, происходивших в сельскохозяйственном производстве Кубани и Дона в годы нэпа. Практическая актуальность темы исследования состоит в связи с современными преобразованиями российской деревни, которые имеют тенденцию скатываться в архаику.

Объект исследования – российская доколхозная деревня Кубани и Дона в период нэпа 1921–1929 гг.

¹ Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюз. дискуссии / редкол.: В.И. Шунков (отв. ред.) и др. М., 1969; Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998.

Предмет исследования – выявление региональных закономерностей и форм взаимодействия власти и крестьянства в экономической сфере и их влияния на этническую и социальную стратификацию, политическую систему на Юге России в 1920-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с марта 1921 по ноябрь 1929 г. Они связаны со временем проведения нэпа органами партийно-государственной власти РСФСР–СССР. Нарастание народного особенно крестьянского, противостояния внутренней политике большевиков в начале 1920-х гг. требовало кардинального изменения продовольственной политики как одной из главных составляющих политики «военного коммунизма». Частичный отказ РКП(б), СНК от жесткого государственного регулирования означало признание возможности применения рыночных методов и необходимости формирования нового уровня взаимоотношений власти и общества¹. Крестьянско-казачья масса Советской России становилась объектом активного политического и экономического воздействия со стороны правящей партии, которая была вынуждена весь период 1920-х гг. искать компромисс с ней для достижения поставленной цели. Открытое военно-политическое противостояние начала 1920-х гг. переросло в латентное противостояние со стороны сельского населения, которое в меру возможностей отстаивало свои интересы в земельном, продовольственном и политическом вопросах. Но при этом большевики в «диалоге» с сельским населением исходили из военного и экономического доминирования. В условиях мирного времени они вынуждены были чаще применять тактику политического лавирования. Особенно ярко она себя проявила в период 1924–1926 гг.

Началом нового этапа взаимоотношений власти и крестьянской массы России стали решения X съезда РКП(б) (март 1921). Крайней датой, завершившей эпоху рыночных преобразований, можно считать статью И.В. Сталина «Год великого перелома». (ноябрь 1929 г.). И та, и другая дата определяются приматом политических решений в модернизационных процессах России 1920-х гг. Свертывание нэпа и ликвидация рыночной самостоятельности крестьянства означали завершение эпохи использования процессов капиталистической модернизации в истории страны и незавершённых возможностей нэпа.

Территориальные рамки исследования. Исследование охватывает ключевые южнороссийские регионы: Кубань и Дон, имевшие повышенный удельный вес казачьего населения. Регионы Юга России в 1920-х гг. неоднократно подвергались административному реформированию. В 1920 г. для хозяйственного и политического руководства образована административно-территориальная единица: Юго-Восток России, в состав которой вошли Донская и Кубано-Черноморская области, Терская и Ставропольская губернии. С целью «растворения» казачьей массы в апреле 1921 г. в состав Царицынской губернии переданы три округа: 2-й Донской, Усть-Медведицкий и Хопёрский.

¹ О замене развёрстки натуральным налогом. Резолюция X съезда РКП(б) 14 марта 1921 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 370–371.

В 1924 г. создан Юго-Восточный край. Осенью 1924 г. он переименован в Северо-Кавказский край, который просуществовал до 1934 г., ему передали Таганрогский и Шахтинский округа, входившие до этого в состав Украинской ССР. Летом 1924 г. образованы округа¹, которые непосредственно подчинялись краю. В итоге районирования территорию Донской области разделили на 4 округа: Ростовский (переименованный затем в Донской округ), Сальский, Морозовский и Донецкий. В июне 1925 г. Морозовский округ упразднили. По итогам административной реформы 1924 г. Кубано-Черноморская область прекратила существование, на ее основе образованы Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский округа.

Процессы, протекавшие на территории Кубано-Черноморской области, имели общие тенденции с процессами в Донской области. Но были и различия. Выбор географических рамок работы связан прежде всего с характером источников по развитию сельскохозяйственного производства, общественно-политических процессов, этнических факторов и социокультурной интеграции.

Степень научной разработанности проблемы. Критерии периодизации историографии, следующие: 1) степень влияния коммунистической идеологии на исследовательскую практику; 2) наличие методологии, скорректированной текущей политической повесткой; 3) степень и качество источниковедческой базы; 4) уровень и качество осмысления форм и методов взаимоотношений власти и сельского населения и их влияние на модернизацию аграрного сектора экономики в переходный период 1920-х гг. Считаем целесообразным выделить следующие этапы развития историографии:²

1. 1920-е гг., время накопления первичного материала и оценки основных положений нэпа и последующего перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства, осмысления социально-экономических и политических аспектов развития страны, осуществлявшегося разработчиками и проводниками партийно-государственной политики, их оппонентами, участниками и свидетелями событий.

2. 1930-е – первая половина 1950-х гг. – этап, которому присущ слабый интерес к развитию доколхозной деревни, резкое падение интенсивности исторических исследований проблем нэпа.

3. Середина 1950-х – середина 1980-х гг. характерны изменениями политики Коммунистической партии, ориентированной на повышение эффективности сельского хозяйства и жизненного уровня крестьянства. В этот период расширяется круг источников, более разнообразной становится тематика исследований, которые, однако, принципиально не меняли политических оценок нэпа.

4. Вторая половина 1980-х гг. – по настоящее время. Этап можно разделить на два периода: до 1991 г. и постсоветский. Этап характеризуется принципиальными изменениями научных концепций аграрной истории 1920-х гг. и вовлечением большого массива рассекреченных архивных материалов в научный

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 6. Л. 134.

² В автореферате представлен сокращённый вариант историографического обзора. Расширенный анализ историографии проблемы содержится в тексте диссертации.

оборот. Процесс переосмысления нэпа и модернизации доколхозной деревни привел к полному отказу от традиционных подходов советской историографии, к глубокому пересмотру оценок социально-экономического, политического и социокультурного развития, в том числе, станиц Кубани и Дона 1920-х гг.

Указанная периодизация историографии приемлема как для общероссийских, так и для региональных исследований.

Определяющая роль в разработке новой экономической политики принадлежала В.И. Ленину, который обосновал новый курс как временное «отступление»¹. Исследования 1920-х гг. посвящены проблемам крестьянского хозяйства, общественно-политическим событиям, советизации местного самоуправления, классовой борьбе на материалах общероссийских и региональных данных. Особенно следует отметить изучение аграрной политики и расслоения крестьянства в период курса «Лицом к деревне»². Значительный вклад в формирование историографии нэпа и его источниковой базы внесли советские и партийные деятели, выступавшие с оценкой содержания нэпа³, которые следует отнести к числу наиболее интересных работ первого этапа осмысления нэпа. Исследователей живо интересовала тема советизации деревни⁴. Несомненным достоинством этого периода является наличие плюрализма в оценке событий нэпа.

В начале 1930-х гг., после формальных «реверансов» в сторону нэпа⁵, партийная доктрина ВКП(б) о нарастании классовой борьбы стала основой при изучении общественно-политических событий в доколхозной деревне.

Третий этап советской историографии нэпа отличался значительным нарастанием активности в исследовании аграрных преобразований 1920-х гг., как результат обновления советского общества в период «оттепели». При сохранении повышенного интереса ученых к вопросам классовой борьбы⁶ всё большее внимание стало уделяться проблемам экономики⁷. В 1960-х гг. начали активно изучаться вопросы нэпа на южнороссийском материале (Э.Д. Осколкова, Я.А. Перехов, В.Е. Щетнёв и др.)⁸ с включением в научный оборот большо-

¹ Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). XI Съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 45. С. 87.

² Буров Я. Деревня на переломе. М.; Л., 1926; Большаков А.М. Деревня, 1917–1927. М., 1927; Заметки о деревне / под ред. Г.И. Окуловой. М., 1927.

³ Яковлев Я.А. Деревня как она есть. 4-е изд. М.; Л., 1925, Он же. Наша деревня: Новое в старом, старое в новом. М., 1925.

⁴ Бауман К., Любимов И. Партия и оживление работы советов. М., 1925; Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. М., 1928.

⁵ Капалкин В.М. Отменяет ли партия НЭП. М.; Л., 1928; Федоров Б.В. НЭП – путь к социализму. М.; Л., 1928.

⁶ Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М., 1960.

⁷ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Берхин И.Б. Ленинский план построения социализма. М., 1960; Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966.

⁸ Осколкова Э.Д. Партийное строительство на селе в первые годы нэпа (1921–1925 гг.) (по материалам Дона): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1963; Перехов Я.А. Политика Комму-

го количества архивных документов, что позволило переосмыслить политику РКП(б)–ВКП(б) в регионе, начать дискуссию о негативных аспектах расказачивания и форсированной коллективизации¹.

Период второй половины 1960-х--1980-х гг. характеризуют работы С.П. Трапезникова, В.А. Сидорова и др.² Работы советских историков этого периода характеризует приверженность партийным установкам и трактовкам нэпа, избегание острых вопросов взаимоотношений власти и общества. На кубано-черноморском и донском материале данную тенденцию закрепили очерки истории местных партийных организаций КПСС³. В них вопросы сельского хозяйства представлены в контексте восстановительного периода, даны оценки политических, социально-экономических, демографических изменений в станицах⁴. Проблематика нэпа в масштабах страны и региона изучалась неравномерно: литература «общероссийская» была значительно более представительной, в отличие от региональной.

Четвертый этап развития историографии нэпа связан с изменениями в общественно-политической жизни вследствие демократизации в СССР, а затем – в условиях формирования общественной системы постсоветской России. В это время одной из приоритетных тем стало доказательство альтернативности развития нэпа⁵. На региональных материалах в годы «перестройки» ревизию устаревших положений и выводов в сфере аграрной истории начали В.Е. Щетнёв, И.В. Устиновский, Ю.А. Верхотуров⁶. Главенствующее значение в историографии приобрели работы, осмысливавшие специфику политического процесса (В.П. Дмитренко, В.А. Шишкин, Ю.М. Голанд, Е.Г. Гимпельсон и др.)⁷. Объек-

нистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966; Щетнёв В.Е. Из истории классовой борьбы в кубанской станице (1920–1927 гг.) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи). Краснодар, 1966. С. 5--36.

¹ Проблемы аграрной истории советского общества: материалы науч. конф. 9–12 июня 1969 г. / отв. ред. М.П. Ким. М., 1971; Перехов Я.Ю. Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1920–1925 гг.) // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971.

² Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М., 1976.

³ Очерки истории партийных организаций Дона. 1921–1971 гг. / под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д, 1973. Ч. 2; Очерки истории Краснодарской организации КПСС / под ред. И.И. Алексеенко. 2-е изд., доп. Краснодар, 1976.

⁴ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971.

⁵ Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят: 13 бесед. М., 1988; Данилов В.П. 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 7–13; Бордюгов Г.А., Козлов В.П. История и конъюнктура. М., 1991.

⁶ Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и её осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.). Ростов н/Д, 1989; Верхотуров Ю.И. Деятельность партии по развитию экономических связей между городом и деревней в 1921–1927 гг. (На материалах Дона, Кубани и Ставрополя): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1990.

⁷ Формирование административно-командной системы (20–30-е годы). Сб. статей / под ред. В.П. Дмитренко. М., 1992; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюцион-

том пристального внимания стали кризисные явления начала 1920-х гг., прежде всего – восстания крестьян и причины, обусловившие переход к нэпу¹. Впервые в историографии движение крестьян рассматривалось не как кулацкая контрреволюция, а как закономерный протест крестьян, недовольных военно-коммунистическими методами власти. В этот период меняются приоритеты исследователей, которые стали интересоваться проблемами взаимоотношений населения и партии, особенностями реализации политики «Лицом к деревне» и т.д.²

Историография 1990-х гг. характеризуется вовлечением в научный оборот большого массива новых архивных материалов и системной оценкой нэпа³. Историография этого периода развивалась под знаком поиска альтернатив «великому перелому» 1929 г. и, шире, -- реализованной в СССР модели государственного социализма. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наступило время обобщений⁴. В исторической науке с начала XXI в. утвердилась тенденция, связанная с комплексной оценкой нэпа, взвешенным анализом положительных и отрицательных сторон политики большевиков, объективным освещением периода⁵. Сегодня историки активно изучают как направления, так и методы реализации нэпа, её колебания в условиях менявшейся экономической ситуации⁶. Настоящий прорыв достигнут в сфере изучения российского села, трансформации крестьянских хозяйств в 1920-е гг. Ломая привычные рамки, ученые предлагают новое видение как основного содержания, так и хронологии эволюции крестьянства⁷, стремятся выявить содержание и особенности модернизационных процессов в аграрном секторе, их противоречия и альтернативы⁸.

На наш взгляд, значительно более интересным становится разработка проблем исследуемого периода на региональном материале. Объектом глубокого

ная Россия. 1917–1928 гг. СПб., 1997; Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. 2-е изд. М., 1998; Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.

¹ Павлюченков С.А. С чего начинался нэп? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: «Антоновщина»: Документы и материалы / сост. В.П. Данилов и др. Тамбов. 1994; Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

² Алексеев Г.М. Крестьянство и власть в условиях нэпа // Государственная власть и крестьянство в XIX–начале XXI века: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2007.

³ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997; Чернопицкий П.Г. К вопросу о расказачивании // Казачество России: история и современность: Тезисы междунар. науч. конф. Геленджик, 2002; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 1.

⁴ Россия нэповская / рук. авт. кол. С.А. Павлюченков. М., 2002.

⁵ НЭП в контексте исторического развития России XX века / А.К. Соколов (отв. ред.) и др. М., 2001; Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М., 2014.

⁶ Виноградов С.В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. Астрахань, 2015.

⁷ Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х–1930-х гг. Саранск, 2013.

⁸ Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М., 2010.

изучения стали институты самоуправления местного населения¹, эволюция курса большевиков в отношении выборов в местные органы власти², рост повстанческого движения крестьянства и казачества³. Исключительно важным представляется изучение в региональной историографии модернизация сельского хозяйства⁴, многоукладности аграрной экономики, сохранявшейся некоторое время и в 1930-е гг.⁵ Авторы отмечают низкий уровень восстановительных темпов индивидуального хозяйства, что чаще всего объясняют политикой большевиков. Периоды снижения уровня противостояния власти и сельского населения обусловлены необходимостью продолжения реформ, боязнью потери политической власти большевиками и желанием вовлечь большее количество населения в модернизационный процесс.

Обобщающее значение имели труды А.А. Панарина⁶ и З.Р. Кочкаровой⁷ по развитию кооперации. Исследователи справедливо отмечают отрицательное влияние административных методов руководства на развитие сельскохозяйственной кооперации.

Ряд исследователей, мнение которых мы разделяем, считает, что ахиллесовой пятой отечественной историографии как советского, так и постсоветского периодов во многом остается нежелание разрабатывать теории среднего уровня и соотносить результаты своих поисков с уже разработанными теориями⁸. Это, на наш взгляд, актуализирует разработку теоретико-методологических проблем.

Цель исследования – выявить региональные закономерности взаимодействий органов власти и крестьянства в экономической сфере, этнической и социальной стратификации, политической системе периода нэпа (1921–1929 гг.) на материалах Кубани и Дона.

¹ Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи НЭПа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

² Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» нэпа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. СПб., 2013. № 3. С. 112–125.

³ Скорик А.П. Борьба донских казаков с советской властью в начале 1920-х годов: исторические факты и оценка в документах эпохи // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013; Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003.

⁴ Бершадская О.В. Государственные мероприятия по развитию крестьянских хозяйств Черноморского округа в годы НЭПа // Государственная власть и крестьянство в XIX–начале XXI века. Коломна: МГОСГИ, 2013. С. 213–219.

⁵ Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х-30-х годах XX века. Ростов н/Д, 2006.

⁶ Панарин А.А. Развитие сельскохозяйственной кооперации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1921–1929 гг. Армавир, 2000.

⁷ Кочкарова З.Р. Советская партийно-государственная политика в отношении сельскохозяйственной кооперации (на материалах Северо-Кавказского региона). Ставрополь, 2002.

⁸ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015. С. 14.

Для достижения цели исследования ставятся следующие задачи:

1) выявить различные модели взаимоотношения власти и крестьянства России в условиях нэпа, созданные предшествующим опытом исследования данной проблематики в отечественной и зарубежной исследовательской литературе; обосновать теоретико-методологические принципы построения системной многомерной динамической модели форм взаимоотношений власти и сельскохозяйственного населения Юга России;

2) установить сущность земельного вопроса на Кубани и Дону, проявившуюся в результативности продовольственной и налоговой политики правительства и особенностях целей землеустройства сельской местности Юга России как средства модернизации аграрного сектора экономики в годы нэпа;

3) определить направленность этносоциальных и социальностратификационных процессов в южнороссийском регионе 1920-х гг., связанных с социально-экономическим, политическим и социокультурным преобразованием сельскохозяйственного населения;

4) раскрыть изменения статуса первичных организаций РКП(б)–ВКП(б) во взаимоотношениях с сельским населением, выявить закономерности и особенности формирования и функционирования сельских Советов на Кубани и Дону в 1920-х гг.;

5) установить идейную направленность, политические формы самоорганизации и методы протестных выступлений кубанских и донских хлеборобов в 1920-х гг. при защите их прав на хозяйственную самостоятельность и показать использование низовыми партийными и советскими структурами привычных и новых форм взаимодействия с местным населением региона при реализации налоговой и землеустроительной политики;

6) создать авторскую модель форм взаимоотношения власти и сельского населения Кубани и Дона в период поисков выхода из глубокого системного кризиса начала XX в.

Теоретико-методологическая основа диссертации включает в себя научные принципы объективности и историзма. Возможность отойти от чрезмерной политизации предоставляет исследователю, опирающемуся на данные принципы, необходимые условия исследования событий и явлений прошлого со всеми его противоречиями, с учетом исторических особенностей и причинно-следственных связей. Принцип историзма является системообразующим. Его задачам подчинены остальные подходы, специально-научные и конкретно-научные методы, междисциплинарные практики, которые позволяют существенно расширить границы получения достоверного исторического знания. Принцип историзма означает: беспристрастность исследователя, использование им логически доказанных фактов и конвенционального (общепринятого в исторической науке) понятийного аппарата, строгое следование процедурам доказательства гипотезы исследования, неприемлемость подмены исторической истины идеологизированными и эмоциональными суждениями¹. Принцип историз-

¹ Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. М., 2017.

ма коррелируется с объективностью полученного знания, а объективность опирается на представления о способности науки в рамках имеющихся в её распоряжении границ, получать точное, проверяемое, достоверное знание.

С учетом сложности темы и накопленного исследовательского опыта при изучении социально-политических и экономических событий в станицах Юга России наиболее эффективной признана мультипарадигмальная стратегия исследования. Она позволяет сочетать различные подходы к познанию сложных процессов, происходивших в 1920-х гг. в советской деревне. Наиболее востребованными подходами являются формационный и цивилизационный, коммуникативный, теория модернизации, «новая локальная история».

Принципы формационного подхода применены к исследованию социальной и политической истории южнороссийской деревни, анализу функционирования сельского самоуправления, социальных и сословных противоречий, роли крестьянства в системе экономических реформ нэпа, особенностей аграрной политики большевиков в 1920-х гг. Цивилизационный подход используется при изучении материальной и духовной культуры, структур повседневности, при анализе традиций и особенностей жизни казачества Юга России, формирования новой советской ментальности и советской системы местного самоуправления, функционирования индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства.

Основополагающее значение при изучении истории России XX в. имеет также модернизационная теория¹, которая позволяет понять специфику и особенности южнороссийских станиц в переломный момент истории 1920-х гг. Российские исследователи совершенствуют теорию модернизации, особенно, в части вопросов развития и трансформации аграрного сектора экономики². Важным компонентом теоретико-методологической базы диссертации выступает теория «множественности модернов» Ш. Эйзенштадта. Теория «множественности модернов» позволяет в сочетании с иными инструментариями научного исследования дать объективную оценку особенностям развития России в переходный период 1920-х гг.

Эпоха нэпа относится к своеобразному модернизационному периоду Советской России. Наличие многоукладности экономики в 1920-х гг. оказывало существенное влияние на модернизационные процессы, которые сохранялись как преемственность социально-экономических отношений дооктябрьской и нэповской России. В рамках каждого уклада в 1920-е гг. происходили модернизационные процессы, которые большевики поддерживали до определенного времени. Но нарастание критической массы противоречий привело к завершению реформ. Роль государства (а не экономическая целесообразность) в этом

¹ Сперанский А.В., Сперанский П.А. Российская модернизация в контексте мировой истории: концептуально-методологические интерпретации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2017. № 3. С. 24.

² Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. статей / под ред. Э.А. Паина и О.Д. Волкогоновой. М., 2008; Корнилов Г.Е. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. М., 2011; Паин Э.А. Особенности российской модернизации и их историческая природа // Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. статей. М., 2008.

была определяющей. В завершении нэпа решающее значение имели политические мотивы, в том числе и внешнеполитические. Роль государства в модернизационных процессах в истории России была определяющей и в отношении крестьянства. Прерывание поступательных модернизационных процессов в сельском хозяйстве посредством административных мер было объяснимо стратегической целью движения к социализму при доминирующей актуализации военной составляющей.

Использовались положения «новой локальной истории» как концепции, основанной на принципах цивилизационного подхода в изучении истории. Она позволяет использовать местную информацию и специфику для понимания общероссийских событий и показать влияние последних на местные события.

С использованием междисциплинарного синтеза применены следующие методы.

Основной научный метод – системный. Под его нужды выстраивается применение таких методов исторического исследования как генетический, сравнительный, типологический и структурный. Познавательный потенциал системного метода направлен на построение многомерной динамической модели форм взаимоотношений власти и сельского населения Юга России, в которой бы учитывались механизмы саморегуляции и регуляции не только государственной власти, но и самоорганизации крестьянства. Системный метод даёт возможность рассмотреть нэп в целостности и взаимосвязи направлений и методов, оценить взаимосвязанность отношений между партийно-государственной властью и различными социальными и сословными группами внутри крестьянства 1920-х гг.¹

Сравнительный метод позволяет установить закономерности и особенности взаимодействий власти с крестьянством как в кросс-территориальном аспекте (парное сравнение Кубани и Дона, плюральное сравнение на уровне округов), так и в кросс-темпоральном ракурсе (сравнение основных этапов взаимодействий в периоды «военного коммунизма», нэпа и начавшейся коллективизации), в кросс-субъектном аспекте (аграрная политика в отношении различных социально-стратификационных групп крестьянства)². Структурно-функциональный метод обеспечивает изучение организационного строения партийных и государственных органов власти, институтов общественной самоорганизации крестьянства (земельных обществ, кооперативов и др.), их формальных и латентных функций в общественной системе 1920-х гг.³

Основой для конкретных практик междисциплинарного синтеза при изучении аспектов темы стали подходы, разработанные смежными областями социогуманитарного знания. Историко-социологический подход образует базу для установления статусов, ролей и позиций основных социальных групп в

¹ Закарян М.Р., Закарян Р.М. Диалектическая системология. Научная методология общей теории систем. Краснодар, 2017.

² Skocpol Th. States and Social Revolution: a Comparative Analysis of France, Russia, and China. First Published 1979. 15 th Printing. Cambridge, 2007.

³ Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. М., 1996.

южно-российской станице, как и различных слоёв партийно-государственного аппарата власти¹. Данный подход позволяет охарактеризовать общественную систему 1920-х гг.

Коммуникативный подход выбран основой эмпирического анализа взаимодействий между органами власти и различными группами земледельцев². Коммуникативный подход позволил изучить содержание и развитие общественной коммуникации в кризисных ситуациях переходного периода и дал возможность оценить взаимодействие власти и крестьянства в разрешении острых социальных и политических противоречий. Он обеспечивает выявление каналов и практик взаимодействий, эффектов искажения информации в условиях монополии органов власти на информирование общества.

Конфликтологический подход даёт возможность определить интересы участников общественных отношений, их мотивацию и способы выражения своих требований относительно аграрной политики 1920-х гг.³ На основе него изучены проявления оппозиции и протеста в общественном мнении, а также в формах деятельности различных категорий земледельцев.

Источниковая основа исследования включает в себя письменные источники разных видов и разновидностей. Использованные в работе источники представляют из себя три группы: 1) неопубликованные архивные документы; 2) опубликованные в 1920-х гг., но частично переданные в архивные фонды; 3) опубликованные источники, находящиеся в открытом доступе.

Преобладающая часть информации о деятельности первичных партийных и советских структур, протестного движения крестьянства, восстановления сельского хозяйства и по социокультурным процессам в сельской местности Кубани и Дона найдена в неопубликованных источниках. Данные, осмысленные в работе, получены из 97 фондов, представленных более 400 делами 11 центральных, региональных и местных хранилищ. Документы органов государственной власти разных уровней, в том числе и региональных выявлены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Повышенный интерес представляют отчетные доклады и записки с мест, поступавшие во ВЦИК Советов РСФСР (Ф. Р-1235 ГАРФ), характеризовавшие состояние хозяйственной работы, проведение выборов в Советы, общественные настроения. Особенно информативны документы первой половины 1920-х гг. В фондах Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (Ф. Р-393) представлены материалы о преступлениях уголовного и политического характера 1920-х гг., особенности их проявления в округах Северо-Кавказского края. Информация о социально-политических процессах, экономическом состоянии индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств 1920-х гг. представлена в сравнении с предвоенным со-

¹ Безруков М.П., Кулешов С.В., Медушевский А.Н., Свириденко Ю.П. Новейшая история России в политико-историческом измерении. М., 2006.

² Берберих М.В. Коммуникативный подход и историческая концепция Юргена Хабермаса. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011.

³ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005; Посадский А.В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии // Полис. 2002. № 3. С. 72–80.

стоянием сельского хозяйства в фонде Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции СССР (Р-374). Отмечаем наличие разночтений в статистических данных, имеющих в фонде, с данными, находящимся в аналогичных фондах региональных архивов. Документы фонда Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР) и его подведомственных учреждений (Р-3316) дают возможность изучить содержание продовольственной и земельной политики правительства в 1920-е гг., в том числе на региональном уровне. Документы фонда Народного комиссариата земледелия РСФСР (Р-478) Российского государственного архива экономики позволили изучить государственную политику в области сельского хозяйства, в том числе и отношения крестьян и казаков к политике.

Документы Коммунистической партии представлены в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), в фондах: Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (Ф. 17), Кавказское бюро ЦК РКП(б) (Ф. 64), Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) (Ф.65). Документы высших партийных органов, переписка, письма, обращения граждан, аналитический материал по политическому и социально-экономическому положению в регионах Советской России позволяют охарактеризовать политику правящей партии на различных этапах реформ, взгляды правящей элиты на перспективы нэпа.

В исследовании проанализирован архивный материал региональных партийных комитетов, представленный массивом различных документов – от аналитических справок об экономическом, политическом состоянии до писем и обращений граждан и решений партийных форумов, которые позволяют системно проанализировать и охарактеризовать содержание политики. Следует обратить внимание на региональную специфику содержания этих документов для Кубани и Дона, в которых вопрос казачества, сословных и земельных отношений, продовольственной политики, выборов в Советы оставался приоритетным. Наиболее объективная информация, позволяющая проанализировать процессы, происходившие в 1920-х гг. на региональном уровне, размещена в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) в следующих фондах: Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) (Ф. 1), Черноморская окружная контрольная комиссия ВКП(б) (Ф. 6), Кубано-Черноморская областная контрольная комиссия РКП(б) (Ф. 7), Кубанский окружной комитет ВКП(б) (Ф. 8), Черноморский окружной комитет РКП(б) (Ф. 9), Кубанская окружная контрольная комиссия (Ф. 10), Армавирская окружная контрольная комиссия ВКП(б) (Ф. 13), Краснодарский отдельский комитет РКП(б) (Ф. 17). Особое значение имеют материалы, размещенные в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), так как г. Ростов-на-Дону был региональным центром, в котором была сосредоточена итоговая отчетная документация из субъектов, входивших в Юго-Восточную область, а в последующем в Северо-Кавказский край. Нами обработан массив архивных документов из фондов: Донской областной комитет РКП(б) (Ф. 4), Донской окружной комитет РКП(б) (Ф. 5), Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б) (Ф. 7), Донецкий окружной комитет ВКП(б) Северо-Кавказского края

(Ф. 75). Анализ содержания их документов позволяет оценить сложность становления диалога между властью и сельским населением, особенно в вопросах выборов в местные Советы и их взаимоотношений с партийными низовыми организациями, характер, содержание проводимой продовольственной и земельной политики, остроту протестного движения как на начальной стадии становления Советской власти, так и в последующем.

Документы, размещенные в фондах Национального архива Республики Адыгеи (НАРА), предоставляют возможность охарактеризовать как уровень развития общества в национальной автономии, так и особенности реализации нэпа в Адыгее, совпавшие с периодом становлением её государственности. Но уровень информационной полноты документов не даёт возможности системно выявить содержание нэпа и его последствий для населения автономии.

В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) представлена информация о деятельности советских и хозяйственных органов Кубани и Дона в переходный период от Гражданской войны к реформам 1920-х гг., позволяющая оценить содержание экономической и социальной политики большевиков, в первую очередь, продовольственной и земельной.

Из числа фондов ГАРО привлекают внимание Ф. Р-97 (Донской областной исполком Советов), Ф. Р-1775. Донское областное земельное управление. Ф. Р-1485. Исполнительный комитет Юго-Востока России (Северо-Кавказского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). (Северо-Кавказский краевой исполком Советов), Ф. Р-1390 (Северо-Кавказское краевое земельное управление). Аналогичную значение имеют фонды ГАКК: Ф. Р-686 (Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет Советов); Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома Советов); Ф. Р-60 (Кубано-Черноморский областной земельный отдел); Ф. Р-1594 (Кубанский окружной исполнительный комитет Советов), Ф. Р-990 Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Отметим высокий уровень информативности и объективности в материалах, представленных в фондах рабоче-крестьянской инспекции различных уровней. В фондах исполнительных комитетов Советов на Кубани и Дону хранятся документы, содержащие информацию о политическом, сословно-имущественном противостоянии в сельской местности, сведения о количественном составе Советов и представительстве в них различных групп крестьян. Это позволяет охарактеризовать политику большевиков в отношении низовых советских структур и их влияние на становление Советов как органов местного самоуправления. В научный оборот вовлечены фонды местных архивов: Муниципального казенного учреждения города Сочи «Сочинский городской архив» (МКУ города Сочи «Сочинский городской архив»), архивного отдела администрации муниципального образования города Армавира (АОА МО г. Армавир) и архивного отдела администрации муниципального образования города Новороссийска (АОА МО г. Новороссийск). Информационная

насыщенность документов, размещенных в партийных архивах качественно отличается от документов, находящихся в фондах советских органов.

В советский период изданы сборники законодательных актов правительства, решений высших партийных органов и партийных съездов, пленумов¹, которые содержат информацию о процессе выработки партийно-государственной политики в аграрном вопросе и её вариативность на различных этапах нэпа. Их отличает идеологическое соответствие партийным установкам, что не позволяло изучить факты конфликтности, открытого противостояния власти и общества, наличие острых социальных противоречий, характерных для доколхозной деревни. Правовые акты Совнаркома РСФСР / СССР² позволили проанализировать государственную политику в отношении крестьян, правовой статус и положение различных социальных групп в российской деревне.

В исследовании для выявления целей аграрной политики большевиков, механизмов выработки, принятия и осуществления политических решений использованы опубликованные стенограммы съездов партии, конференций краевых и окружных организаций РКП(б)–ВКП(б)³, которые позволяют объективно оценить восприятие партийным руководством происходивших событий в экономической и политической жизни страны.

Статистические материалы, привлечённые к исследованию, подразделяются на те, которые хранятся в архивных фондах и опубликованные. Среди них следует упомянуть материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁴, ежегодные отчёты Северо-Кавказского крайисполкома Советов об экономическом и социальном положении региона⁵, сборники о результатах выборов местных Советов⁶, справочники⁷. Этот вид источников позволяет оценить меры налоговой и земельной политики на Кубани и Дону, тенденции социального расслоения крестьянства и его сословных групп - казаков и «иностранцев», изменения состава местных органов власти. В ходе работы с документами мы установили наличие большого количества разночтений в статистических показателях, характеризующих процессы восстановления и развития региональной экономики, что подчеркивает необходимость критического и объективного отношения к данному виду источников. Информация, размещенная в статистических изда-

¹ Отчёт Северо-Кавказского краевого земельного управления за 1924–25 операц[ионный] год. Ростов н/Д, 1926; Партия в период наступления социализма по всему фронту: Создание колхозного строя. (1929–1932 гг.): Документы и материалы. М., 1961; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. 9-е изд. в 14 т. М., 1982–1986.

² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 / сост. Н.Д. Казанцев, О.И. Туманова. М., 1954; Управление народным хозяйством СССР. 1917–1940 гг.: сб. документов / ред. В.З. Дробижев и др. М., 1968.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК...; Материалы второй Юго-Восточной краевой конференции РКП(б) (Стеногр. отчёт). Ростов н/Д., 1924.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года: В 56 т. М., 1928–1930. Т. V.

⁵ Северо-Кавказский край. Цифры и диаграммы. Ростов н/Д, 1926.

⁶ Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924–1925 году (Предварительные итоги). М., 1925.

⁷ Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / под ред. А.И. Гозулова. Ростов н/Д, 1940.

ниях, позволяет установить уровень развития индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств, их потенциал и возможности модернизационных процессов в сельском хозяйстве Юга России.

Изучение событий 1920-х на Юге России невозможно без обращения к документам, статьям и выступлениям партийных и советских работников, руководителей разных уровней: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина и др.,¹ которые определяли стратегический курс нэпа. Этот материал информативен в сопоставлении с архивными материалами о внутривнутрипартийных дискуссиях и межведомственных отношениях между партийными и советскими органами разных уровней. Работы краевых и окружных руководителей (А.И. Микояна, А.А. Андреева и др.)² позволяют выяснить особенности исполнения «генеральной линии» партии в соответствии с соотношением политических сил в регионе, конкретными политическими кампаниями.

Большинство сведений об аграрной политике и состоянии дел в экономике страны, отношении хлеборобов к проводимой политике мы находим на страницах газет и журналов 1920-х гг. Вместе с тем, периодическая печать – наиболее идеологически предвзятый вид источников, нуждающийся в перепроверке всех сообщений.

Личностный взгляд на исторические события и процессы характерен для таких видов источников как воспоминания³, служебная и частная переписка⁴, жалобы и обращения крестьян в органы власти и газеты⁵ и др.⁶

Новый массив документов, вовлеченный в научный оборот, позволил получить дополнительную объективную информацию о социально-экономических и политических процессах на Юге России в период нэпа, в работе с которыми следует учитывать особую модель коммуникаций, сложившаяся в советском обществе в 1920-х гг. Источниковая база исследования характеризует события аграрной истории Юга России комплексно и достаточно всесторонне. Она вполне репрезентативна для выполнения поставленных задач исследования.

¹ Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45; Троцкий Л.Д. Основные вопросы революции. М.; Пг., 1923; Сталин И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Вопросы ленинизма. 9-е изд. доп. М., 1933; Зиновьев Г.Е. Ленинизм и НЭП. Л., 1926; Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988; Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 53–54.

² Микоян А.И. Партия и казачество. Ростов н/Д, 1925; Андреев А.А. Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1929.

³ Микоян А.И. В начале двадцатых ... М., 1975.

⁴ Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: сб. документов / сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1996.

⁵ Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. М., 2001.

⁶ Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926; Лицо донской деревни (по материалам обследования ДКК и ДОНО РКИ). Ростов н/Д, 1925.

Научная новизна исследования. Впервые в российской историографии комплексное исследование экономических, социальных и политических взаимоотношений власти и крестьянства Кубани и Дона показано через эволюцию форм взаимоотношений власти и крестьянства в системе нэпа. Доказано, что при всей многочисленности историографии нэпа формы взаимоотношений власти и крестьянства в них на разных этапах показаны как доминирование каких-то одних типов взаимодействий: либо внешних по отношению к крестьянству, либо репрессивных, либо негативного ответа крестьянства на мероприятия правительства.

Введены в научный оборот материалы региональных и местных локальных архивных фондов, характеризующие формы взаимоотношения власти и сельского населения. Благодаря этим материалам получена развернутая характеристика действий региональных и низовых партийных и советских структур.

Доказаны особенности влияния налоговой политики, этносоциальных и социально-стратификационных процессов на развитие земельных отношений как средств модернизации сельского хозяйства Юга России; показано, что компоненты социокультурной эволюции, культурной и образовательной политики на Юге России становились средством повышения производительности труда и социальной значимости сельского хозяйственного сектора экономики страны.

Установлена связь трудовых и политических форм самоорганизации сельского населения с формами взаимодействия государства и сельского населения в период модернизационных процессов в сельской местности 1920-х гг.

Дана системная характеристика формирования и функционирования низовых партийных и советских организаций на Кубани и Дону в 1920-х гг., показано преобладание форм саморегуляции в жизни местного населения при создании низовых советских органов и постепенное усиление в течение 1920-х гг. контроля партийных структур над ними.

Доказано, что отношение сельского населения к действиям властных структур проявлялось в разных формах от индивидуальных и коллективных писем, жалоб, обращений до групповых и достаточно массовых выступлений. Выявлено соотношение разных форм активности сельского населения Юга России в 1920-х гг.

Предложены теоретико-методологические принципы построения динамической модели форм взаимоотношений власти и крестьянства. Они заключаются в учёте наличия механизмов регуляции и саморегуляции как во властных структурах, так в среде крестьянства и в параллельности процессов влияния друг на друга как действий власти, так и ответных шагов сельского населения.

Создана динамическая многомерная модель эволюции форм взаимоотношений власти и сельского населения на Юге России. В ней показано, что в процессе нейтрализации индивидуальной хозяйственной самостоятельности сельского товаропроизводителя государство использует разные методы воздействия: насилие, пропаганду, кооперацию (сотрудничество), диалог, агитацию, компромисс для поиска более оптимальных форм взаимодействия в решении, в

первую очередь, продовольственного вопроса и проблемы формирования социальной базы ускоренной модернизации сельского хозяйства.

Положения, выносимые на защиту:

1. В историографии, посвященной нэпу как отечественной, так и зарубежной, формы взаимоотношений власти и сельского населения Юга России прописаны частично, потому что возможности научного исследования и состояние источниковой базы не позволяли вплоть до последнего времени применять системный анализ как набор конкретных методологических шагов. Данное исследование предлагает для реализации возможностей системного анализа использовать принципы построения динамических многомерных моделей, учитывающих взаимовлияние власти и населения в процессе их компромисса, конфронтации или сотрудничества (кооперации).

2. То, что принято называть нэпом по исследуемому комплексу документов представляется разрозненными шагами, вызванными текущими политическими и экономическими проблемами 1920-х гг., причем не только внутренними, но и внешними. Политика правительства в аграрном секторе Юга России строилась методом проб и ошибок. Успехи нэпа в восстановлении довоенных показателей индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств до середины 1920-х гг. были обусловлены совпадением интересов власти и сельского населения. Новая концепция продовольственной и земельной политики сочетала в себе условия, удовлетворявшие потребностям хлеборобов и опиравшиеся на представления большинства сельского населения о справедливом землепользовании. Политика налогового протекционизма большевиков по отношению к беднейшей части хлеборобов, содержание землеустроительных работ по ограничению прав зажиточных слоёв, привели к размыванию сословных противоречий при одновременном росте социально-классового противостояния в станицах Кубани и Дона, что не могло не оказать отрицательного влияния на весь ход реформ. В конечном итоге это стало одной из причин неуспеха нэпа, так как основной агент модернизации – зажиточный крестьянин (казак), лишенный «политической легитимности» не имел возможности защищать свои экономические интересы и расширять своё хозяйство. Налоговая политика большевиков подрывала и в известной мере развращала производителя, создавая ему (союзнику – части середняцких и бедняцких хозяйств) благоприятные условия. Приоритетным вопросом с момента установления советской власти в южнороссийской станице оставался земельный, как определяющая база, которая формирует принципы взаимоотношений между сельским обществом и государством. Традиционная форма землепользования сложилась на Юге России в дооктябрьский период и была основой казачьего самоуправления и экономической самостоятельности устойчивых казачьих хозяйств. Новый подход к земельному вопросу, отраженный в декретах советской власти, в последующем обоснованный в Земельном кодексе (1922 г.), способствовал утрате устоявшихся форм землепользования, реализуемых на классовых принципах. Политика РКП(б)–ВКП(б) в вопросах землеустроительных работ (уравнительное землепользование) провоцировала рост противостояния в станицах Юга России и ставила под угрозу

эволюционное развитие индивидуального казачье-крестьянского хозяйства. Традиции общинного землепользования, казачьего самоуправления и личная свобода доминировали в общественном пространстве южнороссийской станицы и противоречили политическим и идеологическим концепциям большевиков, что неминуемо вело к конфликту. Политика большевиков в вопросах землепользования сочетала как полувоенные (административные) методы, так и легитимные (правовые) и на очередном витке противостояния использовалась как средство компромисса, так как от его разрешения зависел продовольственный вопрос. Проводимая большевиками земельная и налоговая политика привела к росту числа середняцких хозяйств, чей хозяйственный уровень позволял быть самостоятельной хозяйственной единицей, но не способной к товарному росту. Весь период нэпа вопрос формирования новых социалистических форм хозяйствования оставался востребованным как один из важнейших элементов не только восстановления, но и развития сельского хозяйства нашей страны, в том числе и Юга России. Неразрешимость этих противоречий во многом предопределила историческую перспективу нэпа.

3. Формируя себе социально-политическую опору в станице, большевики поддерживали иногородних в уравнительном перераспределении земли. Реализуя земельную политику в станицах Юга России большевики вместо традиционного противостояния «казачество – иногородние» сформировали иную официальную имущественную стратификацию – «бедняк – середняк – кулак». Одновременно, как социальная опора, формирующейся низовой партийно-советской системы, важное положение стал занимать сельскохозяйственный рабочий – батрак. И по мере реализации классовых принципов в аграрном секторе экономики актуальность разделения по линиям «хозяин – батрак», «кулак – наемный рабочий», неуклонно росла. При сохранении в сознании кубанского и донского казачества его особом статусе, большевики продолжали стимулировать принципы имущественного расслоения. Одновременно формируется новый полюс противостояния, основанный на принципах политической благонадежности, т.е. поддержки проводимой политики партии или же не восприятие советской власти и большевиков. Он складывался на основе принципов «свой» – «чужой», при том что социальная база этих полюсов формировалась в отличие от традиционных за счет переселенцев и мобилизованных партийных кадров. На различных этапах реформ 1920-х гг. актуальность отношений внутри указанных социальных страт могла возрастать или сходить на нет в зависимости от содержания проводимых реформ. Для правящей партии приоритетной оставалась «бедняк – середняк – кулак», в основе которой были имущественные критерии. Процесс осереднячивания привел к стиранию сословных противоречий и одновременно к росту имущественного неравенства в сельской среде Юга России. Социально-экономические трансформации в южнороссийской станице вызвали рост социального противостояния с одновременным сглаживанием сословных противоречий, которые стали носить латентный характер. Но идеологическая враждебность к зажиточной части хлеборобов со стороны большевиков делала бесперспективным развитие индивидуальных крестьянско-казачьих

хозяйств, что привело к переходу к насильственной коллективизации. Модернизация советского общества в 1920-х гг. была возможна при условии создания социальной базы, способной воспринимать содержание проводимых реформ. Таким образом, это стало очередным общественным пространством южнороссийской станицы, в котором сосуществовали и противостояли друг другу традиции и новации. Культурная революция, начатая в 1920-х гг., ставила перед собой тактические и стратегические цели. Первоочередной задачей была ликвидация неграмотности и утверждение новых принципов в системе просветительской работы, формирования агрономической грамотности хлеборобов, способной вывести индивидуальное казачье-крестьянское хозяйство на новый уровень производственной деятельности. В стратегическом плане большевики формировали основы новой советской действительности, противостоящие традиционным нормам сельского сообщества. Социальной опорой в реализации принципов новой школы выступили иногородняя молодежь и женщины, часть казачества, что способствовало формированию нового очага противостояния в южнороссийской станице. Особенно явно это проявилось в повседневной деятельности хлеборобов, выборах в Советы, новых советских праздниках.

4. Проблемы восстановления индивидуального казачье-крестьянского хозяйства и формирование низовых устойчивых структур партийно-советской системы как средство руководства этим процессом оставались приоритетными для РКП(б)–ВКП(б) в 1920-х гг. Весь период нэпа региональные и местные партийные, советские организации оставались основными проводниками внутренней политики правительства. Их качественный и количественный состав оставался одним из проблемных, требовал постоянно принятия организационно-правовых мер по совершенствованию их деятельности. Желание расширить социальную базу реформ приводило к необходимости вовлечения в партийное строительство казачье-крестьянской массы, формирующегося резерва, что неуклонно вело к нарастанию кризисных явлений в самой партии, в первую очередь в вопросе уровня качества кадрового её состава. Это провоцировало проведение всевозможных чисток в партии. Формирующаяся однопартийная административно-командная система управления сводилась к неукоснительному исполнению директив центральных партийных органов, проведению многочисленных мобилизационных кампаний. Нэп демонстрировал в рамках своих экономических преобразований утверждение за РКП(б)–ВКП(б) ведущей роли в системе формирующихся властных отношений на различных уровнях. Такое положение стало возможным вследствие отсутствия политического плюрализма и окончательной победы сторонников Сталина. Это привело к закреплению за РКП(б)–ВКП(б) всевластия в советском обществе, в том числе на селе, при одновременно установлении контроля за порядком формирования Советом, а в последующем их фактического слияния их функций с функциями парторганизаций. Одновременно вырабатываются новые методы воздействия первичных партийных организаций на сельское население на различных этапах нэпа. Периоды компромисса и установления общественного диалога характеризуются активизацией крестьянско-казачьих масс в работе первичных партийных и со-

ветских структур (1924–1926 гг.). Большой части партийные организации оставались закрытыми и не доступными для крестьян, в особенности казаков Юга России. 1920-е гг. стали времен организационно-политической эволюции РКП(б)–ВКП(б), когда сформировалась иерархическая, многоступенчатая партийная структура, контролировавшая общество. В её основе была первичная партийная организация. Весь период 1920-х гг. южнороссийская станица оставалась ареной противостояния общинных форм самоуправления с советскими структурами, которые стали основой местной власти. Это противостояние наиболее ярко проявлялось в ходе выборов в станичные Советы. Низовые Советы 1920-х гг. пытались быть демократическими по форме и содержанию своей деятельности, оставались замкнутой системой, подчиненной правившей партии, что не соответствовало интересам казачье-крестьянской массы. Сельские Советы оказались слишком политизированы, чтобы руководствоваться требованиями рыночной экономики. Политика лишения конституционных прав зажиточной части хлеборобов, установление административных барьеров в ходе голосования, многоступенчатость (для сельского населения) выборов демонстрировали существующее неравенство в советском обществе и не доверие к казачье-крестьянскому сообществу со стороны РКП(б)–ВКП(б).

5. Проблемы классового противостояния и процесс советизации на Юге России обозначились с весны-лета 1920 г., когда были предприняты попытки реализации политики «военного коммунизма» и создания ревкомов. Продовольственное положение в стране не позволило большевикам отступить от реквизиционной политики, но они отказались от ревкомов, которые вызвали отчуждение у местного населения. Наличие остаточных явлений «военного коммунизма» в административно-распределительных структурах советско-партийной системы стало причиной зарождения нового витка военно-политического противостояния. Оно усугублялось кадровой политикой большевиков, которые целенаправленно формировали новые органы местного самоуправления под своим контролем. Нарастание противостояния на Юге России было обусловлено не только продовольственной политикой большевиков, но и не восприятием большевиками местных форм самоуправления и хозяйственной деятельности, что во многом предопределило содержание упорного противостояния казачества и власти в 1920–1923 гг. «Малая гражданская война» послужила грозным предупреждением большевикам о необходимости коренного изменения политики в отношениях с крестьянством. Мнение большевиков о том, что рост бело-зеленого движения является происками бывших белогвардейцев и иностранных спецслужб, было идеологическим обоснованием собственных мер по «усмирению» региона. Противостояние между коммунистами и казачье-крестьянской массой Кубани, и Дона формировалось из-за взаимного непринятия продовольственной политики, активного применения РКП(б) методов политики «военного коммунизма» в решении политических и хозяйственных вопросов, отрицания самобытности региональных форм самоорганизации и самоуправления. Отсутствие широкой социальной базы реформ

(как одно из определяющих условий модернизационных преобразований) при наличии государственных ограничений способствовали свертыванию нэпа.

6. Власть в лице партии и Советов, трансформировавшись в 1920-х гг. в единую государственную систему управления осуществляла свою деятельность основываясь на различных методах управления: от военно-политических (доминирование, принуждения) до политического диалога (компромисс) и политического доминирования (подчинение). На различных этапах до нэповского и нэповского периода в истории страны присутствовали различные методы властного воздействия на сельское население в зависимости от расстановки сил и поставленных целей. На начальном этапе – принуждение, в период политики «Лицом к деревне» – компромисс, завершающий этап, свертывание нэпа – подчинение. Сельское общество, оставаясь замкнутой, консервативной частью общества стремилось сохранить свои традиции, но при этом на каждом этапе взаимодействия с государством в 1920-е гг. использовало свои методы, а именно противостояние – компромисс – молчаливое согласие. Нэп продемонстрировал, что воздействие на сельское население через различные формы государственной политики имели успех при совпадении целей правящей партии и основной крестьянско-казачьей массы. Поиск этих форм и эволюция существующих, стали объектом политики партии, через которые были реализованы экономические, политические и социальные концепции РКП(б) в 1920-е гг. Формирование многомерной динамичной модели взаимодействия власти и сельского населения Юга России шло через политические и экономические институты, порожденные предыдущей общественно-политической практикой и нэпом. Содержание модели–государству пришлось взять на себя роль стабилизирующего компонента в системе сельскохозяйственного производства. Обострение социальных отношений в сельской местности, как следствие проводимых земельных реформ, процесса советизации, налоговой политики, явно выраженной поддержки бедняцких слоев со стороны РКП(б) не способствовали решению главной задачи – стабильного обеспечения населения продовольствием и объёмов экспорта зерна. Индивидуальное крестьянско-казачье хозяйство в 1920-х гг. не продемонстрировало способности к экономическому росту, ориентируясь в основном на самопотребление. Повторяющиеся кризисы нэпа свидетельствовали о нестабильности в обществе и отсутствии выработанной концепции развития. Большевики, используя различные формы взаимодействия с крестьянством и казачеством продолжали весь период нэпа сочетать в своей работе методы компромисса с административно-командными. Решение о вытеснении и последующей ликвидации кулачества означало победу административно-командных принципов во взаимоотношениях власти с крестьянским социумом. Государство со своими ресурсами становится гарантом развития крестьянско-казачьих хозяйств, но на условиях их обязательной коллективизации, способной обеспечить продовольственные интересы страны.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация вносит вклад в исследование типологии и форм взаимоотношений партийно-государственной власти с крестьянством, направлений и методов советской аграрной политики,

её институтов и практик. Исследование совершенствует понятийный аппарат анализа новой экономической политики в контексте долговременных тенденций развития российского общества.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования использовались в ходе учебных занятий по курсам «История» и «История Кубани» и написании учебно-методических пособий по направлению «История» в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», а также при реализации проектов Российского общества «Знание». Следует отметить, что опыт реформирования советского общества, изложенный в диссертации, можно использовать в рамках проводимых преобразований современной России, в особенности в плане совершенствование местного самоуправления, концепции государственной поддержки личных подсобных и фермерских хозяйств. Материалы исследования могут быть использованы в курсе лекций по истории России XX века и региональной истории.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности 07.00.02 – Отечественная история, в т.ч. областям исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 15. Исторический опыт российских реформ; 19. История развития российского города и деревни; 21. История экономического развития России, ее регионов.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы 56 работ общим объемом 51,3 печатных листов, среди которых – 2 монографии и 20 научных статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук. Три научных статьи опубликованы в журналах, входящих в международные базы цитирования. Также опубликованы 19 статей в сборниках материалов международных и всероссийских научных конференций.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих двенадцать параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений, содержащих таблицы и фрагменты архивных документов. Исследование сочетает проблемно-логический и хронологический принципы построения, реализуя принцип научного познания «от общего–к частному».

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, определены её территориальные и хронологические рамки, объект и предмет диссертации, степень научной разработанности темы, цель и задачи работы, теоретико-методологическая и источниковая основа работы, её научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость и апробация исследования, соответствие паспорту научной специальности, структура диссертации.

В первой главе «Теоретико-методологические аспекты исследования взаимоотношений власти с крестьянством и казачеством России в 1920-е гг.», состоящей из трех параграфов, анализируются этапы отечественной и зарубежной историографии по проблеме, дана характеристика источниковой базы диссертации, раскрывается теоретико-методологическая основа исследования.

В первом параграфе первой главы - «Периодизация и содержание историографии взаимоотношений власти и крестьянства России в условиях новой экономической политики 1920-х гг.» дан анализ основных этапов развития и научных направлений исследований (более подробно он изложен в общей характеристике диссертации).

Критерии периодизации историографии: 1) степень влияния коммунистической идеологии на исследовательскую практику; 2) наличие методологии, скорректированной текущей политической повесткой; 3) степень и качество источниковедческой базы; 4) уровень и качество осмысления форм и методов взаимоотношений власти и сельского населения и их влияние на модернизацию аграрного сектора экономики в переходный период 1920-х гг.

Выделены следующие этапы развития историографии:

1. 1920-е гг., время накопления первичного материала и оценки основных положений нэпа и последующего перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства, осмысления социально-экономических и политических аспектов развития страны, осуществлявшегося разработчиками и проводниками партийно-государственной политики, их оппонентами, участниками и свидетелями событий.

2. 1930-е – первая половина 1950-х гг. – этап, которому присущ слабый интерес к развитию доколхозной деревни, резкое падение интенсивности исторических исследований проблем нэпа.

3. Середина 1950-х – середина 1980-х гг. характерны изменениями политики Коммунистической партии, ориентированной на повышение эффективности сельского хозяйства и жизненного уровня крестьянства. В этот период расширяется круг источников, более разнообразной становится тематика исследований, которые, однако, принципиально не меняли политических оценок нэпа.

4. Вторая половина 1980-х гг. – по настоящее время. Этап можно разделить на два периода: до 1991 г. и постсоветский. Этап характеризуется принципиальными изменениями научных концепций аграрной истории 1920-х гг. и вовлечением большого массива рассекреченных архивных материалов в научный оборот. Процесс переосмысления нэпа и модернизации доколхозной деревни привел к полному отказу от традиционных подходов советской историографии,

к глубокому пересмотру оценок социально-экономического, политического и социокультурного развития, в том числе, станиц Кубани и Дона 1920-х гг.

Данная периодизация историографии приемлема как для общероссийских, так и для региональных исследований.

Выявлены такие научные направления анализа темы, как: обобщающие исследования политики военного коммунизма и новой экономической политики; исследования земельной, налоговой, кредитной, кооперативной политики; работы о социально-классовой структуре и дифференциации сельского населения, о сословном составе населения; о институциональном строении и направленности политики органов партийно-государственной власти; о формах социальной самоорганизации и повседневной жизни крестьянства; о взаимоотношениях, сотрудничестве и конфликтах между органами власти и крестьянством.

Во втором параграфе «Теоретико-методологический инструментарий исследования взаимоотношений власти и сельского населения Юга России в 1920-х гг.» дана характеристика основных принципов, подходов и методов, применённых в исследовании (более подробно они обоснованы при общей характеристике диссертации).

Теоретико-методологической базой диссертации являются базовые принципы объективности и историзма. Наиболее востребованными подходами являются формационный и цивилизационный, коммуникативный, теория модернизации, «новая локальная история», историко-социологический, конфликтологический. В числе методов исторического познания применены системный, историко-сравнительный, структурно-функциональный.

Полагаем, что сочетание данных научных принципов, подходов и методов позволяет исследовать проблему системно и объективно, обеспечить валидность процедур анализа.

В постсоветский период на смену марксистско-ленинской методологии как универсальному инструменту исторического познания пришло признание методологического плюрализма. Это позволило посредством сравнения различных теорий анализировать научные проблемы, помогло историкам в работе по формированию многомерной и полихромной картины минувшего. Процесс выработки новых теоретико-методологических подходов к изучению российского крестьянства 1920-х гг. в условиях концептуального плюрализма шёл в основном в русле социально-конструктивистской трактовки исторических событий¹. В ходе активного диалога с зарубежными коллегами российские исследователи внесли и собственный, весьма ценный вклад в разработку проблем аграрной истории². Применение новых методов и научных подходов, связанных с утвер-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. Советская историография / ред. Ю.Н. Афанасьев и др. М., 1996; Плискевич Н.М. Устарела ли история по Ключевскому? Круглый стол // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 92–109.

² Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф., г. Москва, 11–15 июня 1994 г. / отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М., 1996; Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», Институт социологии

ждением современного теоретико-методологического инструментария, способствовало становлению нового качественного подхода в изучении истории переходного периода, в том числе к пониманию значимости крестьянского вопроса, специфики эволюции индивидуально-крестьянского хозяйства и роли государства в управлении многоукладным обществом.

В третьем параграфе первой главы «Источниковая база исследования взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством Юга России в 1920-х гг.» дана характеристика основных видов источников, проанализированных при написании диссертации (более подробно они раскрыты в общей характеристике диссертации). Используемые источники подразделяются на три группы: 1) неопубликованные архивные документы; 2) опубликованные в 1920-х гг., но частично переданные в архивные фонды; 3) опубликованные источники, находящиеся в открытом доступе.

Исследованы неопубликованные документы из фондов центральных архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Проанализированы документы из фондов региональных архивов: Центров документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственных архивов Ростовской области (ГАРО) и Краснодарского края (ЦДНИКК). В научный оборот также вовлечены фонды местных архивов: Муниципального казенного учреждения города Сочи «Сочинский городской архив», архивного отдела администрации муниципального образования города Армавира и архивного отдела администрации муниципального образования города Новороссийска.

Проанализировано содержание таких видов письменных источников, как:

- нормативно-правовые акты органов государственной власти;
- директивные документы Коммунистической партии, её центральных, региональных и местных руководящих органов;
- протоколы и стенограммы съездов, конференций, заседаний руководящих органов Коммунистической партии;
- делопроизводственная документация органов государственной власти и управления;
- статистические отчёты и сборники материалов;
- выступления и публикации партийных и государственных руководителей центрального и регионального масштаба;
- информационные и аналитические документы органов государственной безопасности (ВЧК – ГПУ – ОГПУ) и судебных органов;
- материалы периодической печати – газет и журналов (как советских, так и эмигрантских);
- документы личного происхождения (воспоминания, частная переписка);

- сборники опубликованных документов как по видовому, так и по тематическому принципам построения.

Будучи выявленными, систематизированными и проанализированными, в своей совокупности источники позволяют обеспечить репрезентативность проведённого исследования.

Во второй главе «Развитие аграрного сектора экономики Кубани и Дона в 1920-е гг. в контексте большевистской модернизации Юга России» анализируются продовольственная, земельная политика большевиков и перспективы индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств и в целом аграрного производства на Юге России.

В первом параграфе второй главы «Особенности реализации государственной продовольственной и налоговой политики и их влияние на сельское хозяйство региона» изучено содержание продовольственной политики в переходный период от политики «военного коммунизма» к нэпу и особенности ее реализации на Кубани Дону. Истинные цели большевиков заключались в ликвидации мелкого собственника, но наличие острого продовольственного кризиса в начале 1920-х гг. заставило партию отказаться от своих принципов, которая смотрела на Кубань и Дон как на источник продовольствия. Пик военно-коммунистической активности в кубанских и донских станицах совпал с проведением продналоговой кампании в конце 1920–начале 1921 г. с активным участием мобилизованного «коммунистического актива», прибывшего в основном из центра страны. Проводимая политика форсированной продразверстки спровоцировала рост повстанчества и совершенно разорили крестьянско-казачьи хозяйства, поставила под удар посевную кампанию 1921 г., создала условия для вхождения богатейшего хлебного региона России в полосу голода 1921–1922 г.

Последующий переход к нэпу оказался крайне растянутым во времени и сочетал в себе старые и новые методы экономической деятельности. Как следствие, на начальном этапе реформы, в 1921 г. и даже частично в 1922 г. продналог мало чем отличался от продразверстки. Казачье-крестьянские хозяйства, истощенные предыдущими изъятиями не имели минимально необходимого количества продуктов для уплаты налогов, считая, что нэп – это продолжение продразверстки и занимали выжидательную позицию. В связи с явной истощенностью региона, с постоянными корректировками размера сборов и попытками взыскания прежних долгов по продразверстке в сборе продналога сразу наметились трудности, что вызывало острую озабоченность как в центре, так и на местах. По значению в 1921 г. с продналогом мог сравниться лишь вопрос о сохранении военного контроля над регионом. Так на Дону, где после объявления о замене продразвёрстки на продналог по-прежнему активно применяли методы «военного коммунизма» с активным использованием продотрядов общей численностью в 1300 чел. и части РККА.

Отмечая, что замена продразверстки на продналог положила начало постепенному изменению методов работы власти, но при этом большевики продолжали совмещать репрессивные меры с экономическими методами. Так для

успешного выполнения продовольственного налога крестьянам разрешалось варьировать содержание налога, в том числе замещать хлебный налог на денежный эквивалент, но в двойном размере, или на мясомолочные продукты. Однако и эти меры поначалу не приносили ощутимых положительных результатов, что с неизбежностью возвращало станицу к практикам эпохи военного коммунизма. Следует признать, что военно-коммунистические практики были закономерными и понятными для большинства партийных функционеров, многие из них рассматривали предшествующий период как непосредственный переход к социалистическому строительству, а нэп – как предательство идеалов революции. Поэтому на практике и в конце 1921 г. продразверстка на Кубани и Дону сохранилась, хотя под иным названием.

Проблема продовольственного налога 1921–1922 гг. заключалась в том, что налог взимался со всей площади земельных угодий, а не только с засеянной части. Такой налоговый расчет вызывал недовольство со стороны хлеборобов. К примеру, общая площадь налогооблагаемой базы составляла в Кубано-Черноморской области 3 390 000 дес. земли, но из этого объема земли было засеяно 2658 000 дес. Задание продовольственного сбора 22 млн пуд. формально было выполнено, но с большим количеством нарушений и предоставлением 10% льготы середняку и снятием налогового бремени с бедняцкой части казачества. Признавая, что содержание продовольственной политики правящей партии направлено на совершенствование налоговой системы и желание перестроить её в соответствии с новыми условиями хозяйствования хлеборобов, мы отмечаем доминирование явных классовых «перекосов». Это порождало конфликт между властью и крестьянско-казачьим сообществом в форме отказа от уплаты продовольственного налога, сокрытия зерна и т.д.

Большевики вынуждены были под давлением экономических проблем и существующего скрытого не восприятия со стороны крестьян проводимой политики унифицировать продовольственный налог весь период 1920-х гг. Так, в 1922 г. была осуществлена унификация налогов на основе упорядочения объектов налогообложения (количество земли и скота) и установления особых разрядов урожайности и продуктивности хозяйств, что позволило снять недоимки с бедняцких хозяйств по сборам за 1921–1922 гг. От сбора было освобождено до 20% хозяйств, в число которых входили безлошадные или имевшие не более 0,75 дес. пашни на одного едока. Структура налога варьировалась от натурального до денежного или смешанного.

Но при сохранении приоритета хлебозаготовок финансовая (налоговая) составляющая играла подчиненную роль, а крестьянство, плохо понимающее принципы нэпа, запутанную и сложную налоговую политику, так и не увидело принципиальных изменений в своей общественной и экономической жизни.

Серьезный прорыв в налоговой сфере состоялся лишь в 1923 г. Партийный форум (XII съезд РКП(б)) признавал, что переход к продналогу расширил возможности крестьянско-казачьей массы свободно распоряжаться результатами своего труда, но требовалась постоянная эволюция налоговой политики. Нужно признать, что этот поворот действительно был актуальным, так как обременен-

ные непосильным налогом крестьяне все чаще вынуждены были не просто прятать посевы, но и отказываться от земли как объекта налогообложения, возвращая её в областные земельные фонды.

К середине 1920-х гг. рост недовольства крестьян и сокращение посевных платежей свидетельствовали о наличии кризисных явлений, в первую очередь связанных с налоговой политикой. Все это мешало выполнению ЕСНХ.

С 1 января 1924 г. государство стало взимать сельскохозяйственный налог исключительно в денежной форме в размере до 5% от дохода крестьянского двора и только с площади фактического посева, была устранена множественность налогообложения, сроки сбора. Это был важный шаг по пути создания более цивилизованной системы хлебозаготовок на основе последовательного разделения собственно продовольственной и налогово-финансовой политики.

Успеху налоговой кампании в решающей степени способствовал переход правящей партии к курсу «Лицом к деревне!», кардинально изменившему настроения крестьян, открывшему возможность для их самореализации и в политической, и в экономической сферах. Однако последствия нового курса, на наш взгляд, являлись далеко не однозначными, а по ряду позиций – более чем противоречивыми. В частности, в условиях общего смягчения курса мы видим известное сокращение налоговой базы в деревне с одновременным ростом налоговых обременений зажиточной части станицы. Таким образом налоговая политика большевиков препятствовала восстановлению индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств.

К середине 1920-х гг. общая ситуация в сфере налогообложения в исследуемом регионе стабилизировалась. Планы сбора налогов в основном выполнялись. Однако идеи индустриализации, взятые на вооружение уже в 1925 г. внесли в данную сферу коррективы. Неизбежная в этих условиях «продналоговая выкачка» должна была нарушить достигнутое равновесие, провоцируя антисоветские настроения в крестьянской среде. Курс на высокие темпы индустриализации требовал дополнительных ресурсов, которыми правительство не обладало. В начале 1927 г. нарастало напряжение в сельском хозяйстве из-за нежелания крестьян и казаков продавать зерно по заниженным ценам, что спровоцировало продовольственный кризис. В итоге, хлебный кризис 1927–1928 гг. оказал негативное влияние на состояние экономики, а репрессивные меры на основе советского законодательства не принесли желаемого результата, лишь частично отсрочив применение более жестких мер воздействия.

«Борьба за хлеб» стала определяющим фактором политики власти в отношении крестьянства в 1920-х гг. Хлебозаготовительные кампании 1927/28, 1928/29 и 1929/30 гг. обнаружили динамику усиления воздействия на казачество и крестьянство, продолжая оттачивать формы административного нажима, перерастая в раскулачивание и коллективизацию. В период с 1927 по 1929 г. в ходе «борьбы за хлеб» была апробирована система методов воздействия на казаков и крестьян, которые активно применялись в годы сплошной коллективизации.

Продналоговая политика не способствовала модернизации индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства, а напротив, стимулировала рост социального противостояния в южнороссийской станице, демонстрируя ярко выраженный классовый характер, подрывая и развращая производителя. Классовая политика в реализации продовольственной политики, проходившая в форме постоянных реквизиций, не могла способствовать формированию социального диалога между хлеборобами и властью. Скрытое экономическое и политическое подавление хозяйственной активности зажиточной части населения, путем повышения налогов, при одновременном предоставлении льгот беднейшей части казаков и крестьян, создавали условия, при котором роль государства в развитии сельского хозяйства становилась доминирующей, замещая кулака и зажиточных хозяев.

Во втором параграфе второй главы «Земельные отношения в рамках аграрных реформ и «мягкого рассказывания»» раскрыты содержание земельной политики, социально-политические и экономические последствия её реализации. Землеустроительные работы традиционно являлись фундаментальной составляющей политики регулирования земельных отношений. Исключительно важное влияние на эволюцию России оказало землеустройство столыпинской эпохи, ориентированное на создание крупных и жизнеспособных крестьянских хозяйств. Но, завоевавшие власть и получившие возможность реализовать собственную программу землеустройства, большевики видели перспективы в создании аграрного строя, основанного на идеях равенства, социальной справедливости, защиты от эксплуатации «трудового крестьянства». Решения, принимаемые на базе идеологических воззрений формировали конфликты по земельным вопросам. Основой большевистской аграрной политики на первом этапе стал курс на ликвидацию помещичьего и церковного землевладения и передачу земли непосредственному производителю-крестьянину, а в последующем ликвидации индивидуального казачье-крестьянского хозяйства, обобществление земель и создание коллективных хозяйств на новой технической основе. Именно эта программа и стала воплощаться в жизнь с первых дней утверждения большевиков на Кубани и Дону.

Однако при реализации курса пришлось учитывать специфику традиционного регионального землепользования, основной чертой которого являлось доминирующее значение сословного общинного казачьего землевладения при относительно высокой обеспеченности землей основной массы казачества. Основные казачьи регионы Юга России—Дон и Кубань отличались сходством условий землепользования. В них сохранялись земельное неравенство между казаками и остальной частью населения: крестьян — «коренных», иногородних и горцев: на Дону казаки владели 80,2%, а на Кубани — 78% всей земли. Средний земельный надел в на Дону составлял 9,8 дес., а на Кубани — 7,7 дес. Существенным было имущественное неравенство в казачьей среде. В Донской области в 1917 г. до 25,4% казачьих хозяйств не имели сельскохозяйственного инвентаря, а 18% относились к категории беспосевных, 18,6% не имели тягловой

силы. На Кубани эти показатели существенно не отличались: до 16,5% беспосевных и до 30% хозяйств не имели рабочего скота.

Поскольку для большевиков приоритетной задачей было создание в регионе своей социальной базы, то и в проведении землеустроительных работ выдвигались такие принципы, как отвод участков всем имеющим право на владение землей; отчуждение «лишних» земельных угодий в случае превышения установленных норм, устранение земельной раздробленности отдельных хозяйств посредством их объединения; передел земли для переселения на хутора и поселки и т.д. Большевики вынуждены были учитывать местную специфику, диктовавшую отказ от чрезмерно радикальных шагов, а именно, нежелательное обострение крестьянско-казачьей конфликтности, неизбежной в случае передела юртовых земель и желание сохранения стабильности в ходе хлебозаготовок. В 1920 – первой половине 1921 г. за счет частновладельческих и иных «нетрудовых» земель, а также арендных и покупных земель кулачества, земель эмигрантов удалось провести землеустроительные работы, снявшие проблему безземелья. Огромные массивы земель «к весне 1921 г. были переданы крестьянам или заняты под совхозы». Под влиянием декрета о землепользовании и предоставлении права свободного выбора форм землепользования с 1922 г. отмечался рост стремления к выходу на хутора, отрубы, выселки, создававшие более благоприятные условия для отдельных хозяйств, не скованных жесткими поселенческими пределами.

Для Кубани и Дона Земельный кодекс 1922 г. ознаменовал начало перехода к глубокой реорганизации земельных отношений на основе уравнительности, которая одновременно усилила противостояние в южнороссийских станицах. Землеустройство закрепляло социальное расслоение в станице, при усилении тенденции «осереднячивания» и сохранении важного значения зажиточной части. В этой связи земельная политика выступала решающим фактором разрешения социально-экономических проблем на Юге страны. Так, в Кубанском округе увеличение количества середняцких хозяйств по посевным площадям привело к уменьшению числа зажиточных хозяйств с 11% до 8%, а кулаков – до 2,7%. В конце 1929 г. эти вновь созданные хозяйства, и старые, уже серьезно ослабленные, хозяйства казаков оказались под ударом сплошной коллективизации.

Земельный кодекс дал старт значительной активизации землеустройства, которая преследовала несколько целей: определение и оформление земельных прав, наделение малоземельных и безземельных земель, изыскание и обследование наделов с целью их дальнейшего освоения, установление площади земельных угодий, принадлежащих государству, регистрация земельных участков в госреестре, решение проблемы дальноземелья, привлечение хлеборобов к коллективным формам хозяйствования. Так темпы землеустроительных работ с 1923 г. в Кубано-Черноморской области, а в последующем в Кубанском округе были высокими. Работы были проведены на площади 596 тыс. дес. земли, причем курс на уравнительность уже в 1923 г. привел к тому, что средний душевой надел составлял по области 3,25 дес. у казаков и 1,19 – у крестьян. Земельные

работы продолжались в следующих направлениях: раздел земель, состоящих в пользовании обществ, разверстание на хуторах, отрубы, отводы земли совхозам, товариществам, устранение чересполосицы и дальнотемелья.

Поскольку реальными хозяевами в земельных делах станиц до середины 1920-х гг. чаще всего оставались общие сходы, на некоторое время это блокировало землеустройство на новых принципах. Как правило, невзирая на нормы закона, сходы соглашались на наделение землей лишь тех лиц, которые жили в станице с довоенной эпохи либо прибыли в нее до закона о социализации 1918 г. В свою очередь, классовый подход при распределении земли среди «приоритетных» для большевиков категорий земледельцев, без их кооперирования, формировал фонд арендной земли, не способствуя разрешению земельного вопроса, и одновременно повышая уровень экономической зависимости бедноты от зажиточной части, формируя дефицит земли.

Мощный толчок землеустроительным работам дал апрельский Пленум ЦК РКП(б) 1925 г., санкционировавший проведение землеустройства «бедняцких хозяйств» за счет государственного бюджета и отдельно рассмотрел практику землеустройства казачества. В свете нового курса ВКП(б) землеустроительные работы в 1925–1927 гг. получили мощный импульс. Бюро Донского окружкома РКП(б) признавало, что необходимо наделять землей всех, кто желает заниматься земледельческим трудом и проводить ускоренные землеустроительные работы на внутриселенное разверстание. С учетом требований о льготном наделении землей бедноты (вблизи станиц) это означало, что переселенцы и иногородние получали прямые преимущества в перераспределении земли.

За 1925–1926 гг. форсированное землеустройство в регионе выявило ряд проблем. Кубань отличалась наличием крупных населенных пунктов, и это создавало проблемы при распределении земельных угодий и способствовало формированию дальнотемелья. В итоге землеустроительные работы привели к обострению социальных отношений на Кубани. Цель землеустроительных работ на Дону виделась в том, чтобы снять антагонизм между казачеством и иногородними, национальными меньшинствами и русским населением, найти пути к уравниванию земельных прав, трудящихся внутри общины и поддержать малоимущие хозяйства путем организации товариществ. Таким образом к середине 1920-х гг. «нетрудовое» землевладение в регионе в основном было ликвидировано, наступил «конец так называемой «земельной тесноте».

Одновременно в ходе землеустроительных работ возникало большое количество спорных вопросов, связанных с порядком распределения земли и ее оформления. Иногородние и бывшие красноармейцы все чаще высказывали недовольство присутствием в земельных комиссиях и Советах казаков и бывших реэмигрантов, участников белой армии и или ставились под сомнение действиями землеустроителей и агрономов.

В результате, решение проблемы уравнивательного землепользования растянулось на весь период 1920-х гг. и не дало желаемых результатов. Проводимые на её основе перераспределение привело к росту середняцких хозяйств, чей экономический потенциал к середине 1920-х гг. был исчерпан. На этом фоне

государственная протекционистская политика демонстрировала явно выраженную поддержку коллективным формам хозяйствования. Реальная перспектива виделась в обобществлении земель и создании крупных коллективных хозяйств на новой технической основе. Собственно, именно эта программа и стала воплощаться в жизнь с первых дней утверждения большевиков на Кубани и Дону. Однако при реализации курса на социализацию земли и постепенный переход к социалистическому землеустройству на основе коммун и советских хозяйств пришлось учитывать специфику традиционного регионального землепользования, основной чертой которого являлось доминирующее значение сословного общинного казачьего землевладения при относительно высокой обеспеченности землей основной массы казачества.

В третьем параграфе второй главы «Индивидуальные казачье-крестьянские хозяйства Кубани и Дона: восстановление и перспективы развития в 1920-х гг.» выявлены экономические последствия Первой мировой и Гражданской войны, содержание аграрной политика большевиков и её влияние на восстановление индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств и перспективы их развития. Разрушительные последствия Первой мировой и Гражданской войны оказали существенное влияние на состояние сельского хозяйства Юга России. Если в 1910 г. в Донской области под посевами было занято 5,96 млн десятин, то в 1920 г. посевные площади составили лишь 1,84 млн десятин. То, что сельское хозяйство Дона находилось в состоянии «последовательного ежегодного падения» показывает прежде всего снижение посевов хлебов, составлявшее в 1916 г. – 2 284 745; в 1917 г. – 2 173 245 г.; в 1920 г. – 1 108 085; в 1921 г. – 988065 десятин. На Кубани посевные площади сократились к 1920 г. вдвое, а урожай – почти в 5 раз. На каждое хозяйство в 1917 г. приходилось 1,7 лошадей, а в 1921 г. всего 0,9. Катастрофические последствия эпохи войн, приведшие к сокращению почти вдвое посевных площадей на Юге, не могли быть преодолены в короткий промежуток времени. Однако в этих условиях политика государства оказалась такой, что прямо препятствовала процессам самовосстановления села, продолжая активную военно-коммунистическую политику регулирования сельского хозяйства, которая к весенней посевной 1921 г. окончательно приобрела «милитаризованный характер». За ее проведение отвечали посевные комитеты (посевкомы), демонстрируя чрезвычайные меры.

В большевистской модели организации аграрного производства в 1920-х гг. роль государства многократно возросла. Но она явно не соответствовала его реальным возможностям, прежде всего, ресурсному обеспечению аграрной политики. В условиях невиданной хозяйственной разрухи, усугубленной тотальной подразверсткой, помимо военно-политических, каких-либо средств для восстановления сельского хозяйства не существовало. Предпринятые попытки на создание «очагов социалистического земледелия», развитие кооперации, вовлечение в нее «трудового» крестьянства и казачества на начальном этапе если и имели успех, то в последующем «добровольный принцип» ведения коллективного хозяйства без государственной поддержки был обречен.

Однако именно комитеты крестьянской взаимопомощи стали стартовой площадкой коллективных форм хозяйственной деятельности на начальном этапе нэпа как на Кубани, так и Дону. В числе актуальных форм следует выделить начало возрождения кооперации, главная задача которой состояла в организации товарообмена с крестьянством, а в отношении коллективных хозяйств политика большевиков была противоречивой из-за своих классовых позиций, где поддержка хозяйств с участием зажиточных казаков и крестьян была не приемлема.

Первые признаки оздоровления ситуации в регионе проявились лишь осенью 1922 г., когда существенно выросла запашка озимого клина, а в 1923 г. в регионе началось восстановление сельского хозяйства, наметилась позитивная динамика роста посевов. Посевы выросли как на Дону (в 1920 г. – 51% к уровню 1917 г., в 1922 г. – 36,3%, в 1923 г. 55,2%), так и на Кубани, где к уровню 1916 г. они достигли 75,4% (65,4% и 62,7% – в 1920 и 1922 гг.). Удалось переломить тенденцию сокращения поголовья лошадей в регионе. На наш взгляд, это и стало основным признаком начала восстановительного периода на Кубани и Дону, который шел медленно и не отвечал «идеологическим темпам» правящей партии. При этом инерция «военного коммунизма» продолжала оказывать существенное влияние на восстановительный процесс. Но следует отметить, что достигнутые в 1923 г. результаты носили ограниченный характер, так при росте посевных площадей на Дону – 26% они еще были далеки от уровня 1917 г., медленно восстанавливалось тягловое поголовье, отсутствовал семенной фонд, сельскохозяйственный инвентарь и др. И только начатые реформы в рамках политики «лицом к деревне» (1924–1925 гг.) позволили добиться первых положительных результатов. В регионе этот курс был реализован в рамках политики «лицом к казачеству». В Донском округе за год кооперирование дало 47% роста, что позволило активизировать селекционную работу, семеноводство и пр. По урожайности 1925 г. оказался рекордным во всем десятилетии.

При этом мы вынуждены признать, что восстановление сельского хозяйства региона шло неравномерно и не достигло показателей 1913 г., например, в Донском округе 51 668 крестьянско-казачьих хозяйств не имели лошадей, а из числа 113 058 посевных хозяйств 41% не имели рабочего скота и лошадей. К середине 1920-х гг. тягловая сила индивидуальных хозяйств Дона была восстановлена лишь на 67,6%.

Таким образом, мероприятия, связанные с развитием кооперативного движения, кредитной политики, землеустройством носили противоречивый характер, принимая формы очередной кампании, но, в конечном итоге, сводились к обеспечению продовольственной безопасности. С другой стороны, казачье-крестьянские хозяйства Кубани и Дона, характеризовавшиеся устойчивостью индивидуального характера, предпочитали производственные кооперативы с низким уровнем обобществления.

Сельское хозяйство региона, являвшееся основной отраслью его экономики, восстанавливалось медленными темпами. Отсутствие государственной поддержки и жесткое государственное регулирование по сбору ЕСХН не позволяли

ему восстановиться в полном объеме. Если в Центральной России сельское хозяйство к 1924 г. было восстановлено на 70–80% к довоенному уровню, то на Юге этот показатель составлял лишь на 49%. Большая часть произведенной продукции направлялась на удовлетворение собственных нужд, если и был рост рыночного оборота сельскохозяйственной продукции, то только за счет снижения потребления самих земледельцев.

1925/26 и 1926/27 гг. стали временем неопределенности ориентиров, позволявших крестьянско-казачьим хозяйствам развиваться относительно спокойно. Но не беспроблемно. Политика покровительства бедноте при экономическом давлении на середняка и зажиточных хозяев, обнаружившаяся уже в 1926 г., отрицательно сказывалась на общем уровне развития сельского хозяйства, росте валовой и товарной продукции. В этой ситуации единственным выходом власти видели в развитии «социалистических форм» на селе и предложение И.В. Сталина о развернутом строительстве колхозов и совхозов, прозвучавшее в январе 1928 г., стало логическим решением продовольственной проблемы.

Основная середняцкая масса не решила продовольственной проблемы страны, сосредоточившись на разрешения собственных хозяйственных вопросов, увеличив внутривоспроизводственное потребление. Правительство в налоговой политике продолжало ориентироваться на административные методы в большей мере, чем на экономические методы стимулирования. Политические ограничения по отношению к экономически активной массе хлеборобов не позволяли использовать потенциал нэпа, провоцируя середняка и зажиточных хлеборобов на свертывание активной производственной деятельности.

В третьей главе «Трансформации социальной структуры и социально-культурная сфера станиц Кубани и Дона в 1920-е гг.», состоящей из двух параграфов, проанализирована социальная структура, стратификационные и модернизационные процессы в культурно-духовной сфере южнороссийской станицы Кубани и Дона в период нэпа.

В первом параграфе третьей главы «Основные социально-стратификационные процессы на Кубани и Дону в 1920-е гг.» раскрыты изменения, произошедшие в казачьем сообществе под влиянием, проводимых продовольственной, земельной политики большевиков в период нэпа. Наличие в регионе двух крупнейших казачьих войск России и массы не войскового населения при нарастающем притоке различных по своей этносоциальной принадлежности переселенцев – так называемых «иностранцев», существенно усложняло картину трансформации социума, характер социальных, социально-экономических и социокультурных процессов.

Казачи традиционно составляли значительную часть населения Юга России. Всероссийская перепись в 1926 г. в Северо-Кавказском крае зарегистрировала 8363 491 чел. постоянного населения, в том числе – 6 708 367 сельских жителей. Казачье сословие численно составляло 2 301 945 чел., из которых 2 148 299 проживало в станицах и хуторах.

Конфликт интересов между казачеством и «иностранцами» крестьянством Кубани и Дона исторически проявлялся в особых условиях землепользования,

организации местного самоуправления, технической отсталости «иностранцев» хозяйств. Специфика социокультурного бытия населения Кубани и Дона, с одной стороны, была связана с тем, что именно здесь впечатляющие результаты в пореформенный период дало развитие капитализма. Оно привело к формированию в Кубанской и Донской областях наиболее развитого, технически оснащенного и рыночно ориентированного товарного хозяйства. С другой стороны, в регионе, в наиболее острой форме проявилось противостояние различных категорий земледельцев, прежде всего основных земельных собственников в лице казаков и иностранцев крестьян. Это было обусловлено тем, что земельные привилегии казачества создали из него замкнутую группу, в которую было трудно войти извне.

Характер этих противоречий стал основой выбора социальной базы большевиков в кубанских и донских станицах, где их опорой должны были стать именно малоимущие иностранные слои крестьянства.

Советская политика в области землепользования и налогового, продовольственного протекционизма в отношении беднейшей части южно-русского крестьянства и казачества способствовала сглаживанию сословных противоречий и мирному (скрытому) процессу «расказачивания». Установление политического контроля над казачеством, которое воспринималось как противник советской власти, ставило задачу растворения его в крестьянской массе, установления экономического контроля над казачьим хозяйством.

Особенность состава населения, исторические особенности формирования региона стимулировали конфликт и после завершения основной фазы Гражданской войны, выведя его на качественно новый уровень в условиях «малой» войны 1920–1923 гг., когда к прежним – сословному и имущественному расслоению добавилось острое политическое размежевание.

На наш взгляд, в силу утраты казачеством всех базовых социально-политических и социально-экономических характеристик, социальная нивелировка станичников была объективной и неизбежной. Особенно серьезное влияние на эволюцию казачества оказали радикальные изменения в сфере земельных отношений. Власть к середине 1920-х гг. в основном добилась наделения землей основной массы безземельного и малоземельного населения, соответственно, обеспечив и земельное, и известное социальное выравнивание казаков и иностранцев.

Эти сложные процессы накладывались на типичный для Юга России формат комплексного социального противостояния по линиям казаки–иностранцы, богатые–бедные, старики–молодежь, находя завершение в упрощенной дихотомии «свои» – «чужие». Изменения в сфере сословных противоречий причудливо переплетались с трансформациями имущественно-производственного статуса станичников.

Следует выделить устойчивом сокращении категории бедных хозяйств при столь же устойчивом росте численности «средняцких» и, в меньшей степени, – зажиточных, «кулацких». Если в 1920 г. в Донской области бедняцкие хозяйства составляли 55,4% их общего числа, а кулацкие – 5%, то уже в 1923 г. по

своей численности середняцкие хозяйства сравнивались с бедняцкими (47%), а кулацкие увеличили удельный вес до 6%.

Место прежде традиционного членения «казачество / иногородние» уже в начале 1920-х гг. почти одновременно заняла официальная имущественная стратификация – «бедняк–средняк–кулак». В известной степени социальный статус хлебороба определялся также с учетом его способности вести самостоятельное хозяйство, и в этой связи в социальной картине станицы, которую рисовали большевики, всё более важное место занимала фигура представителя сельского пролетариата – батрака – человека, живущего за счет продажи своей рабочей силы. Актуальность разделения по линиям «хозяин– батрак», «кулак–наемный рабочий» неуклонно росла. Тем не менее в сознании кубанского и донского казачества, вне зависимости от произошедших в российском обществе политических и социально-экономических преобразований по-прежнему сохранялась выраженная субъективная убежденность в его особом статусе.

Рост прослойки середняков (отчасти зажиточных) или «осереднячивание» станицы определили главную тенденцию трансформации ее социальной структуры. Притом, что весь период реформ 1920-х гг. изменения в экономике и структуре крестьянско-казачьего населения были связаны как с процессом восстановления, так и реконструкцией традиционных аграрных отношений в целом. Поэтому, несмотря на частичную актуализацию сословной солидарности казаков, как реакцию на процессы землеустройства 1920-х гг., традиционная сословная конфликтность в конечном счете уступила здесь ведущее место социально-классовым противоречиям. В конечном счете, на новом уровне, это вылилось в переход кубанского и донского социумов к упрощенной социальной дихотомии «своих» и «чужих» – социально однородного колхозного крестьянства и частника. Последний – единоличник, кулак, подкулачник – стал восприниматься как прямой враг.

Весьма непростое и запутанное сочетание сословной и имущественной составляющих в 1920-е гг. всё в большей степени определяло социальный статус конкретно взятого станичника. Вместе с тем нужно учитывать, что все более важное значение для определения реального положения человека в социуме приобретал своего рода его общественно-политический статус.

Характеризуя трансформацию социального строя аграрных областей Кубани и Дона в исследуемый период, следует учитывать, что она была связана не только с переформатированием социальной структуры регионального сообщества на основе нивелировки традиционного сословного деления и формирования более однородной в социально-классовом и социально-экономическом плане среды, но и с масштабной ломкой коренных устоев всех базовых составляющих повседневной жизни населения, с всё более активным государственным регулированием сфер образования, здравоохранения, культуры, семейных отношений, быта, духовной жизни.

Во втором параграфе третьей главы «Изменения в социокультурном облике станицы и крестьянско-казачьей повседневности Юга России под влиянием политики РКП(б)–ВКП(б)» определены последствия социокуль-

турных преобразований Советской власти, направленных на формирование социальной базы реформ.

В начале XX в. в жизни аграрного социума Юга России отмечалось и нарастание негативных перемен, прежде всего связанных с устойчивым развитием всевозможных асоциальных девиаций, преступности, с эрозией традиционных семейных и внутриобщинных норм. Трагическая эпоха 1914–1922 гг. усилила отмеченные кризисные черты социума, добавив к ним немало новых. Местные сообщества оказались ослабленными и численно, и в плане состояния здоровья их членов. Образовались серьезные демографические перекосы, прежде всего связанные с утратой массы мужчин и существенным ростом удельного веса женского населения. Внутри общины место «стариков» как наиболее уважаемых и авторитетных членов в основном заняла прошедшая войну молодёжь. Актуализировались проблемы, порожденные растущим притоком переселенцев. Важно и то, что усилились конфронтационные начала, разломы и по политическим, и по сословным, и по возрастным линиям. В обществе утвердился культ насилия, обесценилась человеческая жизнь, девальвировались многие традиционные нравственные ценности.

Впервые в истории России базовые основы социокультурного бытия казачества и крестьянства стали объектом столь сильного воздействия государства, особенности в области образования, здравоохранения, повседневной жизни. Несмотря на критическую политическую и экономическую ситуацию новая власть обратила внимание на решение задач коммунистической пропаганды и «политического просвещения». Сориентировав на это местные партийные кадры, активно используя новые формы и методы работы. В поиске социальной опоры проводимых реформ большевики определили свои приоритеты по работе с отдельными социальными группами южнороссийской станицы, а именно беднейшей её частью казачества и иногородних, молодёжью и женщинами.

Одним из важнейших вехий нового времени стало такое стратегическое направление, как раскрепощение женщин, повышение их культурного уровня и борьба за гендерное равноправие. Последовательно ломая патриархальные устои сельской жизни, правящая партия стремилась создать в станицах широкий женский актив под лозунгами борьбы за равные права женщин. Однако в силу устойчивости консервативных семейных традиций эта задача оказалась весьма трудной для решения. Лишь к середине 1920-х гг. в данной сфере стали отмечаться первые сколько-нибудь заметные перемены.

Наиболее ощутимые изменения произошли в сфере политической агитации и пропаганды, направленных на мобилизацию социума для решения актуальных текущих задач. Для решения этих задач в сельской местности в 1920 г. создавалась сеть «изб-читален». Так, к концу 1920 г. во всех станицах Донецкого округа были открыты «избы-читальни».

Поскольку в общем контексте приоритетов власти ведущее место занимали вопросы политической агитации и пропаганды, именно в данной сфере с самого начала произошли наиболее ощутимые для сельского социума изменения. Особенности общения власти и социума, мобилизации последнего на решение

актуальных текущих задач состояли в непрерывной политической обработке, непосредственное участие в которой принимали абсолютно все коммунисты. В агитационно-пропагандистской работе большое внимание властями уделялось не только учету специфики различных социальных групп, но и совершенствованию различных форм работы. Мероприятия были направлены на стимулирование эмоционального освоения хлеборобами новой советской действительности. Чрезвычайно важный вектор радикального изменения быта сельской местности Дона и Кубани связан с утверждением новых советских ритуалов и праздников, формировавших новое социокультурное пространство.

Несмотря на относительную осторожность в осуществлении антирелигиозных практик, отношение к религии было однозначно негативным. Постепенно нажим на церковь усиливался, параллельно с ним, власти начали всё более активно формировать собственную систему ритуалов и праздников, призванных заменить церковные.

Одним из важнейших направлений работы власти, встречавших понимание и одобрение у широких кругов сельского населения являлось восстановление и укрепление школьной сети. К примеру, в Донском округе расходы на народное образование на душу населения выросли с 2,86 руб. в 1923/24 гг. до 5 руб. в 1925/26 гг. Если в 1923/24 гг. хозяйственные нужды школ удовлетворялись в основном за счет самообложения родителей, то в 1925/26 гг. финансирование осуществлялось в основном из местного бюджета. Одновременно росла сеть для ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Если в 1923/24 гг. в округе насчитывалось 348 ликпунктов (8 839 неграмотных), то в 1924/25 гг. уже 575 (19105). Отмечался также значительный – с 126 до 164 – рост числа избыточных, как свидетельство целенаправленной политики РКП(б)–ВКП(б) по формированию социальной базы реформ. Мы отмечаем, что особенностью ликбеза на Юге России было то, что особое внимание уделялось сельскохозяйственному образованию. В Донском округе в ноябре 1924 г. открылись курсы для агрономов и землеустроителей, а в 27 пунктах действовали краткосрочные сельскохозяйственные курсы, на которых обучались 1330 слушателя.

Немаловажным фактором модернизационных процессов в южнороссийской станице было развитие системы здравоохранения и борьба за общественное здоровье. Одним из факторов, препятствовавших преобразованием в крестьянско-казачьем сообществе, было распространение девиаций – пьянства, проституции. Именно с пьянством, с недостатками в культурно-воспитательной работе были связаны значительное развитие хулиганства и уличной преступности как последствие демонтажа прежних сельских институтов, в том числе сословных. На Кубани и Дону ситуацию усложнили процессы расказачивания, что существенно дезорганизовало станичную жизнь, резко ухудшило положение дел в сфере правопорядка и общественной нравственности.

В ещё большей степени активность властей в конце 1920-х гг. проявлялась в сфере коммунистического воспитания, агитационной работы. Она обретала агрессивный характер, что привело к оформлению тенденции общего снижения политической культуры.

С приходом в станицы «чужаков» коммунистов невиданный размах приобрели злоупотребления власти, что во многом способствовало росту противостояния станичной общины с Советами и первичными партийными структурами большевиков. Тем не менее внушалось, что только коммунисты спасут ситуацию, о чем писали на своих страницах подконтрольные периодические издания. В этой связи формируется новый психологический климат с характерными чертами крайней настороженности и скрытого неприятия власти со стороны хлеборобов.

Поиск форм преодоления проблем, гармонизации отношений власти и общественности находились постоянно в поле зрения большевиков, но скольконибудь существенных успехов добиться не удалось из-за недоверия со стороны казаков и крестьян, так как они являлись преимущественно объектом целенаправленного «перевоспитания». Станица, столкнувшись с характерной для наступившей эпохи крайней нивелировкой личности, её фактическим отрицанием властью, соглашалась с бездумным подчинением.

Несмотря на зажиточность кубанской и донской станицы социальная сфера отличалась недостаточной развитостью, которая деградировала в революционную эпоху и последствия которой во многом так и не удалось преодолеть в течение 1920-х гг. Переход в конце 1920-х гг. к форсированной социалистической модернизации на основе коллективизации и раскулачивания с неизбежностью привел и к радикальному изменению социокультурного облика села, последствия которого оказались противоречивыми и неоднозначными.

В четвертой главе «Формирование системы партийно-советских органов в сельских районах Кубани и Дона в 1920-е гг.», включающей в себя два параграфа, выявлены процессы становления низовых партийных и советских структур, их взаимодействие, методы работы с населением, в которых проявляются явно выраженные идеологические принципы большевиков.

В первом параграфе четвертой главы «Организационно-кадровый потенциал местных структур РКП(б) –ВКП(б) и их роль в трансформации казачье-крестьянского социума» изучены вопросы формирования местной партийной системы в южнороссийских станицах Кубани и Дона и их влияние на реализацию нэпа. В годы Гражданской войны партия стала трансформироваться в централизованную иерархическую структуру. Экономический и социально-политический кризис 1920 г. вызвал острую внутрипартийную дискуссию по вопросу о путях партийного строительства, породив угрозу раскола партии. Очередной шаг был сделан на X съезде РКП(б), проходивший в условиях нараставшего военно-политического кризиса, на котором приняли резолюцию «О единстве партии» с запретом на «фракционную» деятельность и установлением жесткой внутрипартийной дисциплины. Таким образом, в рамках выхода из активной фазы Гражданской войны, на этапе перехода к миру и «малой» войны РКП(б) стремительно превращалась в монополю правящую партию. С местными особенностями этот процесс проходил на Кубани и Дону, куда коммунисты пришли с наступающими частями Красной армии. На уровне областей были сконструированы областные комитеты –Кубано-Черноморский и Донской.

Одним из сложных вопросов партийного строительства На Кубани и Дону оставался «казачий вопрос», который большевики на разных этапах реформ 1920-х гг. рассматривали с позиции силового воздействия.

Начало 1920-х гг. для партийных структур Кубани и Дона -- время оформление в иерархичные, военизированные структуры, все более замыкавшие на себе властные функции и притягивавшие к себе наиболее активные карьерные элементы. Определяющим факторов политической стабилизации и утверждения власти коммунистов на Юге России на начальном этапе было решение казачьего вопроса, которое трансформировалось и приобрело форму сотрудничества, отказом от силового «расказачивания».

В итоге к концу первого года Советской власти на Кубани и Дону, к началу перехода к нэпу, несмотря на первые попытки ограничить массовый приток в партию, он продолжал набирать силу. Характер партийной политики, нерешенность ключевых проблем партийно-организационного строительства крайне отрицательно сказывались на общественно-политической ситуации на начальной стадии нэпа. В частности, в регионе не удавалось остановить неконтролируемый процесс выхода из рядов партии из-за расхождений по нэпу. В то же время деятельность партийных ячеек, превращенных в местные фискальные и репрессивные аппараты, дискредитировала партию, подрывая ее авторитет среди беспартийных. При этом провозглашение нэпа не означало отмены практики «военного коммунизма» и военных методов. Поэтому в организациях, особенно в среднем и низшем звене, военно-коммунистическая идеология и методы работы и после перехода к нэпу оставались основной, находя проявления даже в областных комитетах, не говоря уже о станицах.

После завершения открытого военно-политического противостояния партийные организации сосредоточили свое внимание на усиление своего влияния на станичном (деревенском, хуторском), уездном и волостном уровне. В октябре 1922 г. VII Донская областная партийная конференция, исходя из решений XII Всероссийской конференции РКП(б), решила «усилить деревенские парторганизации». Партия активно увеличивало своё представительство в Советах. Так, на Дону к концу года в составе волостных исполкомов коммунистов было 84,6%. Членами партии являлись все председатели волисполкомов и многие председатели сельсоветов. Из 4288 депутатов сельских Советов 896 (20,9%) были коммунистами. Из 1170 коммунистов, состоявших на учете в деревенских ячейках, 1127 (90%) были членами Советов.

Очередной импульс в начале 1924 г. придали «ленинский призыв». За год с марта 1923 г. до 1 апреля 1924 г. Донская областная организация РКП(б) увеличилась с 4 783 до 7 943 коммунистов. Возобновили прием в партию крестьян. ЦК РКП(б) дал указание о приеме в партию 20 тыс. крестьян. Это означало явный пересмотр прежней политики, когда отсутствие диалога и взаимопонимания между крестьянской массой и государством провоцировало исключение крестьян и казаков из партии. Так, до 80% хлеборобов Кубани в 1923–1924 гг. были исключены из партии по сословным признакам. Происходило это на фоне

падения роста производительных сил в сельском хозяйстве, нарастания товарного кризиса и сокращения объемов товарооборота.

Начавшийся новый курс «Лицом к деревне» стал очередным испытанием для большевиков. На местах отношение партийцев к новому курсу оказалось более чем настороженным, а нередко—глубоко отрицательным, считая, что коммунистов превратили в «слуг» мужика. Однако была и часть коммунистов, которые понимали содержание нового курса. Вместе с тем, даже в разгар кампании «Лицом к деревне», правящая партия всесторонне и детально регулировала развитие общественно-политической самодеятельности как в среде коммунистов, так и в массе сельского населения. Это была аксиома для ЦК РКП(б), что дополнительно закреплялось общим настроением и реальными управленческими возможностями среднего звена партийных руководителей.

С первых дней осуществления нового курса выяснилось, что он создает серьезную угрозу прежнему всевластию коммунистов в станице. Специфика ситуации состояла в том, что, хотя в 1926 г. еще ставится вопрос о «незрелости» станичных и сельских ячеек, он уже не был главным—наиболее примечательным в это время стал перенос внимания на повышение авторитета ВКП(б) за счет директивного «разъяснения политики партии» и резкой активизации борьбы с кулачеством. Произошла резкая переориентация местных организаций на вопросы использования бедноты в борьбе против кулачества, чего категорично требовал Северо-Кавказский крайком.

С 1927 г. стал реальностью прямой конфликт коммунистов с массой сельского населения. И в нем они использовали бедноту, демобилизованных, люмпенов. Крестьянская масса воспринимала такую политику с глухо нараставшим недовольством, но противостоять изменившейся политике не имела возможностей. Приводимые в исследованиях сведения о фальсифицированных отчетах избиркомов, зафиксированных ОГПУ в кампаниях 1926–1927 гг. показательны и в полной мере подтверждаются данными Дона и Кубани. Оказалось, выстроить систему политического диалога с населением было труднее, чем победить в гражданском противостоянии.

В результате борьбы с «кулацкими Советами» в 1925–1926 гг. и перехода коммунистов в 1927 г. к прямому нажиму такие факты вновь стали для кубанской и донской станиц реальностью. Поворот к ограничению самодеятельности крестьянства и казачества, наметившийся уже в 1925 г., набирал силу в 1926 г. и завершился в 1927–1928 гг. установлением контроля над всеми сторонами жизни. Таким образом, в условиях перехода к массовой, а затем и сплошной коллективизации, в кубанской и донской станице ВКП(б) развязаны репрессии, символизировавшие возврат в эпоху «малой войны».

1920-е годы представляли собой сложный и противоречивый этап закрепления всевластия РКП(б)—ВКП(б) в деревне, время создания партийно-государственной системы управления на основе фактического слияния функций правящей большевистской партии и государства.

Во втором параграфе четвертой главы «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов как органы государственной власти и

управления» установлены особенности советизации южнороссийских станиц в период нэпа и противостояние казачества насильственной смене традиционных форм станичного самоуправления. Выступая как особая форма государственности, власть Советов как органов «диктатуры пролетариата» основывалась на идеях ликвидации прежнего государственного аппарата и создания органов подлинного народовластия.

Нормативно-правовая база, определявшая статус и порядок формирования и деятельности местных Советов, основывалась как на конституционных положениях, так директивных указаниях РКП(б)–ВКП(б). Находясь под влиянием чрезвычайных условий военного времени, Советы в Гражданской войне вытеснены чрезвычайными органами – ревкомами и комбедами. Таким образом полномочия Советов превратилось в инструмент партии большевиков по реализации партийных установок. Это вертикаль власти выстраивалась, начиная с правительства – Совета Народных Комиссаров (СНК), взявшего на себя не только исполнительные, но и законодательные функции и оказывавшего прямое влияние на всю советскую вертикаль. Как следствие, процесс советизации в стране происходил при активном участии Наркомата внутренних дел (НКВД), который предпочитал административный диктат (приказы, инструктирование, запреты).

Целенаправленная советизация южнороссийского региона началась после его освобождения от сил Белого движения в 1920 г. Начало процессу было положено декретом СНК «О строительстве советской власти в казачьих областях». В этот же период появились и первые директивы местных органов власти по организации и проведению выборов в Советы. Реализация курса на оживление Советов, восстановление их значения с неизбежностью отражала региональную специфику: острота земельного и продовольственного вопроса подпитывала неизменно напряженные отношения между «иногородним» крестьянством и казачеством. Но большевики боялись активности местного населения, а потому отдавали предпочтение ревкомам. Так, деятельность ревкомов в регионе в 1920–1922 гг. представляется противоречивой. С одной стороны, они официально считались временной и вынужденной формой власти, с другой – наиболее адекватно соответствовали задачам управления непокоренным Югом России.

Но, несмотря на проблемы, переход от ревкомов к выборам Советов в регионе определился как доминирующая тенденция, что позволило большевикам установить контроль за ситуацией на Кубани и Дону.

Период 1921–1923 гг. в вопросе советизации на Кубани и Дону проходил в сложной военно-политической обстановке. Выборная кампания весны 1921 г., 1922 г. проходили на фоне нарастающего повстанческого движения. Повстанцы взяли на вооружение лозунги: «Советская власть без коммунистов», «Кубань для кубанцев», эти лозунги приобрели немалую популярность и, по мнению основной массы населения, должны были трансформировать местные органы власти с учетом самобытности казачьих регионов. В 1921 г. и даже в 1922 г. сельская периферия в значительной степени оставалась на Юге России вне кон-

троля большевиков. С одной стороны, действовали ревкомы, а с другой – сохранялась высокая роль станичных сходов. Приоритетное значение в это время приобрело утверждение новой власти на областном и отдельском (окружном) уровнях.

Нэп поставил перед органами управления задачу усиления контроля формирования местных органов власти и реализации экономических реформ. Особое внимание с 1922 г. уделялось именно станичным и волостным исполкомам, которые вместе с милицией стали основным фискальным инструментом.

Начальный этап нэпа оказался временем поиска форм, путей и механизмов формирования Советской системы. Это был путь противостояния с основной массой населения и поиска временного компромисса в ходе установления диктатуры большевистской элиты. Но советизация означала также стабилизацию политической ситуации, возможность сочетания рыночных механизмов с плановой экономикой, соединения идей централизованной власти с принципами самоуправления. Советизация станиц Кубани и Дона определяла политические перспективы местных партийных организаций и эффективность формирующейся новой политической системы. Но при этом советские кампании выявили серьезные социальные, политические, межэтнические противоречия. На фоне острого дефицита подготовленных кадров работников, повсеместно фиксировались многочисленные злоупотребления властью, но при этом большевики не отказывались попытке максимально формализовать выборы в Советы, предельно жестко регламентировать их итоги.

В 1924 г. сфера советского строительства обрела неустойчивое равновесие. С одной стороны, она попала под тотальный контроль правящей партии, функционеры которой в решающей степени определяли, как состав, так и характер работы Советов. С другой, – в Советы всё же попадали лица, признанные властью явно нежелательными и вызывавшие резкое осуждение. Это вступало в явное противоречие со стратегическим курсом нэпа, а также с курсом на повышение эффективности управления страной, нашедшим отражение в территориальной реформе 1924 г. («районирование»), которую следует рассматривать в единстве с курсом на «расширение нэпа». Данный курс вылился с конца 1924 г. в самую масштабную попытку смягчения репрессивных практик советского строя под лозунгом «Лицом к деревне».

Анализ результатов выборов, состоявшихся осенью 1924 г., показал, что принципиальный курс на максимальный контроль над выборами сохранил значение, но прошли при низкой явке. На Дону выборы показали абсентеизм населения. Из 350 тыс. избирателей, имевших право голосовать, на избирательные собрания пришел каждый третий (31,45% составила явка).

На фоне существенного падения активности избирателей выборы 1924 г. в местные Советы частично были отменены. Президиумом ЦИК СССР назначены повторные выборы в январе – феврале 1925 г. Северо-Кавказский крайком РКП(б) вынужден признать, что выборы показали недоверие населения к местным организациям и отсутствие поддержки проводимым мероприятиям. При этом низовые партийные структуры высказывали недовольство отменой ре-

зультатов выборов. Новая политика по оживлению выборов в Советы выражалась в расширении круга избирателей, формировании новых организационных возможностей для активного участия населения в выборной кампании. Документы октябрьского (1924 г.) и апрельского (1925 г.) Пленумов ЦК ВКП(б) и XIV Всесоюзной партийной конференции, подтвердившие решения XIII съезда партии, были направлены на демократизацию Советов, активизацию общественных, в особенности молодежных и женских организаций. Начатая в ноябре 1924 г. кампания «оживления Советов» преследовала цель вовлечения большего количества граждан в избирательный процесс, а в южных станицах добиться политического союза с казачеством.

Острота проблема лишения избирательных прав части населения страны, в том числе южнороссийских станиц, возникали по мере обострения общего противостояния власти и общества. Партия продолжала поиск эффективных форм и методов установления полного контроля над Советами через своих представителей-коммунистов. Эта политика реализована на основании решения Президиума ВЦИК от 16 января 1925 г. о создании избирательных комиссии всех уровней от областных до сельских (станичных).

Характеризуя результаты нового курса, вслед за совещанием по казачьему вопросу при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) 22–26 июня 1925 г., следует признать общее улучшение работы, в том числе положительные результаты выдвижения казачества. Курс «Лицом к деревне» в 1925 г. на Кубани и Дона повлек за собой утверждение новой практики на выборах Советов, существенное обновление местных аппаратов управления. В конце 1925 г. стали очевидными первые признаки нового политического поворота, связанного с актуализацией для правящей партии вопроса о сохранении основ политического строя страны. Предвыборная кампания 1926 г. уже демонстрировала элементы конфликтности, которые раздувались и интерпретировались властями в «классовом» духе. Итоги выборов 1926 г. не оставляли сомнений у местных партийно-советских работников наличие скрытого сопротивления казачества. В этих условиях требовалась активность партийных секций в Советах, переориентация их на хозяйственную повседневную деятельность, изменение методов работы путем привлечения на свою сторону беспартийных, активной части населения. Очевидным на выборах 1926 г. стало и заметное усиление активности органов ОГПУ, отказ от политики компромисса, что привело к свертыванию курса «Лицом к деревне». Желание поставить Советы под партийный контроль заставили большевиков перейти к жесткому контролю за ходом выборов, тем самым обеспечив политическую стабильность при переходе к форсированной социалистической реконструкции.

Формирование депутатского корпуса в 1925–1926 гг. можно определить как особый этап в становлении новых структур власти как в станицах Кубани и Дона, так и в Адыгее. Политические компромиссы властвующей элиты продолжались до 1927 г. Тем не менее, мероприятия не привнесли качественных изменений в систему местного самоуправления. В середине 1920-х гг. советизация по-прежнему в той или завуалированной форме преследовала классовые

интересы беднейших слоев. Небольшой промежуток времени с конца 1924 г. по 1926 г. стал временем выбора между административно-командной системой и регулируемым рыночными реформами с активным участием государства. В итоге, в 1927 г. сельсоветы утратили приобретенные в 1925–1926 гг. качества органов народовластия и вновь превратились в низовые звенья административно-бюрократической системы с прежними фискально-административных функциями.

Скрытое противостояние в станицах Юга России сохранявшееся до середины 1920-х гг. переросло в открытый конфликт в 1927–1928 гг. В этом противостоянии власти с зажиточной частью победил организованный государственно-партийный механизм, основу которой составили бедняцкие слои крестьянства и прежде всего «иногородние», хотя предпринимались активные действия и по обеспечению представленности в низовых Советах казаков. Авторитарная тенденция политики ВКП(б) возобладала, низводя роль Советов до одного из рычагов разрушения многоукладного общества. Партия поставила под жесткий контроль Советы, используя возможности ОГПУ, расширяя круг «лишенцев» и слухи о «военной тревоге».

Главной чертой выборов 1927–1928 гг. стало усиление контроля при росте числа «лишенцев». Организационные мероприятия позволили изменить социальный состав депутатов в пользу большевиков. Количество трудящихся в Советах и исполнительных комитетах г. Краснодара с 1926 по 1928 г. увеличилось с 37,7% до 47,8%, а членов партии большевиков выросло с 9,7% до 16%. Избирательная кампания 1927–1928 гг. показала снижение активности избирателей при усилении административного нажима на них. Финалом независимости низового самоуправления крестьянских общин стало подчинение сельских сходов сельсоветами и последующая ликвидация земельных обществ. Взаимоотношения местных Советов и общин характеризовались уже прямым подчинением последних и наделением неограниченными правами Советов. Очередное двоевластие в истории российской революции закончилось победой большевиков.

Весь период 1920-х гг. Советы формировались на безальтернативной основе, под контролем партии. Это при том, что реалии многоукладности требовали политических свобод, тогда как система власти все более обращалась в централизованное, бюрократичное, оторванное от повседневных запросов граждан состояние.

В пятой главе «Сопротивление казаков и крестьян Кубани и Дона процессам большевизации», состоящей из двух параграфов, раскрыт процесс реализации политики «военного коммунизма» в казачьих регионах, ставшей одной из определяющих причин протестного движения казаков и крестьян в начале 1920-х гг. Решающую роль в развитии острого военно-политического кризиса в начале 1920-х гг. сыграла проводимая большевиками политика «военного коммунизма» как совокупность мер, нацеленных на прямое, «непосредственное» строительство социалистического общества, но в ходе её реализации РКП(б) обрела бескомпромиссного противника в лице казачества и крестьянства.

В первом параграфе пятой главы «Особенности большевизации Кубани и Дона в начале 1920-х гг.» изучены особенности политики «военного коммунизма» на стадии советизации южнороссийских станиц и применения военно-коммунистических практик на всем протяжении 1920-х гг. Конец 1920 – начало 1921 гг. – это период наивысшего «расцвета» политики «военного коммунизма», когда она обрела бескомпромиссного противника в лице крестьянства. Но провал политики «военного коммунизма» большевики осознали далеко не сразу. Отражением глубокого кризиса политики власти стало свертывание экономической активности крестьянства. По стране с угрожающей силой прокатилась волна крестьянских выступлений. В обстановке растущей неопределенности власти пытались выжать из деревни оставшиеся экономические и политические ресурсы. Возможно, этим объясняется явно запоздалая реакция на события, в том числе на рост крестьянского протестного движения.

На Кубани и Дону «военный коммунизм» впервые «заявил» о себе в 1918 г., когда вернувшиеся домой фронтовики на короткий срок обеспечили подобие «советизации» региона. Но, в отличие от Центральной России, с мая 1918 г. по январь 1920 г. на Дону, с сентября 1918 г. до марта 1920 г. – на Кубани существовали антибольшевистские режимы. И в условиях хозяйственной разрухи эпохи Гражданской войны аграрный регион отличала относительная стабильность.

Особенности реализации политики военного коммунизма в южнороссийских станицах во многом объясняются историческими условиями развития Кубани и Дона, а именно принадлежность казачества к военному сословию; особыми формами землепользования, наличием острых сословных противоречий; высоким уровнем товарности хозяйств и развитием арендных отношений и использования наемной рабочей силы. Регион по своей социальной и этнической структуре был уникальным. На Кубани высок был процент казаков–малороссов (в советской терминологии, «украинцев»), а в Донском войске 33 тыс. чел. составляли казаки-калмыки. Тем не менее, в этническом аспекте эти области были гораздо более однородными.

Масштабные потрясения периода революций и Гражданской войны поставили казачество региона перед сложной дилеммой. «Трудовая» природа казака-земледельца, стихийно-демократическая основа психологии склоняли его симпатии к революции. Традиционные взгляды на государство и свою роль в нем, опасения за собственные земли, неприятие уравнительности, напротив, питали настороженное отношение к её лозунгам. Поэтому не случайно казаки Дона и, в еще большей степени, Кубани в условиях революционных потрясений пытались найти для себя выход на путях «самостийности».

Учитывая непростую обстановку в начале 1920-х гг. большевики воздерживались от принятия чрезвычайных мер: пленных казаков распускали по домам, отказались от комитетов бедноты, создавались первые сельскохозяйственные коммуны. Но избежать перехода к ограничительным и репрессивным практикам, к системному проведению политики «военного коммунизма» органы власти не имели возможности, используя традиционные, апробированные в

центре страны мероприятия. Начальный этап характеризовался доминированием партии большевиков, централизацией управления, агрессивной продразверсткой, огосударствлением управления экономикой, единым государственным планом, усилением карательных органов. На это казачество отвечало ростом самоорганизации, но встречало ожесточённое сопротивление со стороны большевиков. Таким образом, в начале 1920-х гг., если в политической сфере главная задача состояла в установлении контроля над регионом, в борьбе с остатками белых частей и весьма немногочисленными «бело-зелеными» повстанцами, то в экономической сфере – в реализации комплекса военно-коммунистических мер, прежде всего в выполнении плана продовольственной разверстки. В социальной сфере решающее значение имели меры, направленные на лишение казачества сословных привилегий и доминирующей роли в экономической и политической жизни. Именно период 1920–1921 гг. характеризовался тем, что иногородние и казачество враждебно относились к советской власти, за исключением бедняков, демонстрируя недовольство продразверсткой, чем воспользовались большевики сознательно используя не сословные противоречия, а социально-имущественные, противопоставляя друг другу зажиточную и беднейшую часть станичников.

Политика большевиков в 1920-х гг. на Кубани и Дону была противоречивой, отчасти отражая стремление к быстрейшему «умиротворению» региона, а отчасти – к подавлению действительных и потенциальных противников, углублению противостояния казаков и остальной массы населения. Поначалу большевики пытались избегать крайних мер, добиваясь «умиротворения». В этой связи принимались целенаправленные и вполне последовательные шаги, прежде всего, осуществлялась с несомненным одобрением воспринятая в казачьей среде широкая амнистия, гарантировавшая личную безопасность и забвение вины казачества. Но в арсенале большевиков присутствовали и другие методы воздействия на сельское население, которое формировали основы будущей системы. Так в первом полугодии 1920 г. Донская ЧК ликвидировала более 15 антисоветских организаций, но при этом были амнистированы более 100 казаков-заложников 1-го Донского округа.

Одним главных инструментов военно-коммунистических воздействия оставались ревкомы. Общее количество ревкомов в регионе соответствовало количеству населенных пунктов, из-за этого власть на местах ассоциировалась с красноармейцами и большевиками. Отражением триумфа военно-коммунистической политики стало общее количественное увеличение репрессивного аппарата. На Кубани к 1921 г. действовали 65 продотрядов общей численностью 1400 чел., которых поддерживала группировка РККА численностью 12 тыс. красноармейцев. Агрессивная продовольственная практика становилась нормой, и большевики видели разрешения конфликта в силовом «успокоении края». Но на усиление реквизиционной и репрессивной политики станица отвечала укреплением сплоченности и ростом самоорганизации.

В начале 1920-х гг. реальная власть постепенно смещалась от ревкомов к исполкомам, от исполкомов – к партийным комитетам. Соответственно, неудачи

в практической организационной работе компенсировались актуализацией репрессивной составляющей большевистской политики.

Реальный переход к нэпу, начавшийся на Кубани и Дону с 1922 г., явился для сельского труженика свидетельством готовности власти отказаться от тотального изъятия плодов его труда, от уничтожающих его хозяйство военно-коммунистических экспериментов, не мешать обычному, веками устоявшемуся производственному процессу. Отказ от продразверстки и многочисленных ограничений означал готовность государства прекратить гражданскую войну с крестьянством. Определенная часть кубанских и донских станичников даже увидела на горизонте обнадеживающую перспективу возврата к традиционным отношениям. Однако политика «военного коммунизма» на Кубани и Дону по инерции продолжалась и после провозглашения принципов нэпа. Доверие к налогу подорвала продолжавшаяся реквизиционная политика, благодаря чему казаки Кубани и Дона не видели разницу между двумя моделями продовольственной политики большевиков.

Несколько облагороженные, но в основе в значительной степени прежние военно-коммунистические практики объективно сплачивали сельское население на почве остро критического отношения к власти, её политике. Новый политический курс уже не имел принципиально неприемлемого характера, а недовольство селян, как правило, уже не приобретало откровенно конфликтных форм. Тем не менее, обстановка в регионе в 1922–1925 гг., доминировавшие общественные настроения могут быть охарактеризованы как откровенно оппозиционные большевистской власти. Кроме значительного налогового обременения крестьянских хозяйств, ситуацию существенно усложняли медленное проведение землеустроительных работ, задержка с перераспределением земель в соответствии с новыми социально-экономическими реалиями.

Настоящий энтузиазм основной массы местного населения вызвал лишь начавшийся с конца 1924 – начала 1925 гг. разворот политики большевиков в рамках курса «Лицом к деревне», когда многие партийные деятели заговорили о необходимости прямой поддержки хозяйственной инициативы крестьянства, пересмотра точки зрения на кулака. Отмечая временную и системную ограниченность данного курса, полагаем, что в рамках нэпа только он впервые по-настоящему обозначил определенную и ясно выраженную альтернативу военно-коммунистическим практикам – «курс на смешанную экономику и свертывание репрессий». Для основной массы населения региона она, безусловно, являлась наиболее привлекательной и открыла качественно новый этап 1925–1926 гг. с характерной для него попыткой власти действительно выйти за рамки военно-коммунистической идеологии. Как показывает исторический опыт самых различных эпох, чаяния населения нечасто совпадают с планами власти. Не суждено было оправдаться и надеждам земледельцев на более свободное развитие в 1920-е гг. Переход к социалистической реконструкции и форсированному строительству социализма к концу десятилетия вновь с неизбежностью усилил раскол власти и крестьянского общества, на новом уровне актуализировав вопросы крестьянского протеста и большевизации региона.

Во втором параграфе пятой главы «Вооруженный протест казачества и крестьянства (1920–1923 гг.) как фактор регулирования экономической политики и перехода к нэпу на Кубани и Дону» изучены причины, ход, движущие силы, политическая платформа «бело-зеленых» формирований, оказавших объективное влияние не только на изменение внутренней политики большевиков, но и содержание взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством Юга России в переходный период 1920-х гг. Нарастание волны широкого повстанческого движения как прямое следствие политики военного коммунизма стало отличительной чертой кубанской и донской действительности уже на начальном этапе утверждения советской власти. События лета – зимы 1920 г. показали, что протест лишь условно объединяла его антибольшевистская направленность и по своему идейному содержанию его природа была глубоко неоднородной. Казачество и крестьянство Юга в революционных событиях эпохи, как и по всей России, стремились отстоять свое право на свободное развитие, в том числе в крайних формах движения части казачества за «самостийность» и создание казачьих областей. Но и те, кто исходил из понимания важности общероссийского единства, проявляли тягу к свободе, с присущими ей процессами общинной самоорганизации («третий путь»).

Анализ конфликтности, которая стала основной для региона с 1920 г., свидетельствует о том, что сходившее с исторической сцены белое движение играло в антибольшевистской борьбе хотя и важную, но не решающую роль. Пик его активности пришелся на 1920 г. на фоне врангелевских десантов на Кубани, и на Дону. Несмотря на организованность и силу белого движения в 1920 г., оно не могло увлечь за собой казаков Кубани и, тем более, Дона.

В своей массе повстанцы изначально представляли собой традиционный тип участников местных локальных выступлений, хорошо известный в истории крестьянского движения, в т.ч., в годы Гражданской войны. К осени 1920 г. антибольшевистское движение на общедемократической основе на Кубани и Дону резко усилилось. Степень радикализма повстанческого движения определялась аграрной политикой большевиков, которая проявлялась в насильственном изъятии сельскохозяйственной продукции и земли. Это неприятие не могло не отразиться на лозунгах повстанцев. Так, в регионе лозунг «Советы без коммунистов» был достаточно популярен и использовался бывшими командирами РККА, перешедшими на сторону хлеборобов.

Отличительной чертой казачьих регионах Юга России было присутствие идеи «самостийности» как проявление сословной автономии и сепаратизма. Лозунг самостийности преобладал среди большей части повстанцев, которые представляли казачье население Дона и западной части Кубани (черноморских казаков). На востоке Кубани (среди линейных казаков) преобладала идея «едини неделимой России». Анархические лозунги не нашли массовой поддержки на казачьем Юге, так как не имели социальной базы распространения. Были популярны эсеровские лозунги «трудоуластия», потому что совпадали с принципами организации самоуправления и землепользования в казачьих станицах, но это не могло означать осознанное принятие программы правых эсеров как партии.

Движущей силой повстанчества на Кубани и Дону в зависимости от периода активности выступали зажиточное казачество, демобилизованные красноармейцы РККА и дезертиры, а руководителями—бывшие командиры РККА и офицеры Белой армии. Не стоит излишне «идеологизировать» движение, основным содержанием которого являлся стихийный протест против чрезвычайной политики военно-коммунистической эпохи. Суть требований основной массы повстанцев Кубани и Дона состояла в элементарных установках, связанных с защитой своего хозяйства и права на труд. В октябре – ноябре 1920 г. активность повстанцев пошла на убыль из-за активных действий частей РККА, одновременно увеличилось число «бело-зеленых», добровольно сдававшихся. Именно конец 1920 г. – начало 1921 г. ознаменовались не просто сменой характера противостояния, как утверждали многие советские историки, связанного с задачей «нейтрализации» крестьянства, но и с новой, более опасной фазой «малой гражданской войны». В это время под влиянием политики «военного коммунизма» по стране с угрожающей силой покатилась волна крестьянских выступлений.

События на Кубани и Дону развивались стремительно, с опережением общероссийских процессов. Весной-летом 1920 г. военное и партийное руководство вынуждено было признать качественный рост протестных настроений казачьего населения. На фоне эскалации военно-коммунистических практик, особенно в связи с жестким взиманием осенью 1920 г. продразверстки, резкое ухудшение экономического положения привело к тому, что хлебоборбы проявляли все более явную враждебность к власти, которая не извлекла уроков из масштабного повстанческого движения.

Особенностью повстанческого движения на Дону было активное участие в нем бывших красных командиров, выступавшие под лозунгами: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!». В декабре 1920 г. повстанческое движение на Дону переживало подъем: общая численность вооруженных сил составляла 6750 штыков и сабель. Менялся социальный состав бело-зеленых отрядов, что сказывалось на идеологической составляющей движения. Антибольшевистские лозунги повстанцев во многом совпадали с общедемократическими требованиями социалистических партий. Но отсутствие единого руководящего центра, программы, разрозненный характер боевых действий привели к поражению бело-зеленых.

Начало нового всплеска противостояния казачества и крестьянства государству стали контрольные цифры продовольственной разверстки 1920–1921 гг., продемонстрировав наличие военной угрозы существованию Советской власти. А практика взятия заложников со стороны большевиков стала получить всё более широкое распространение в станицах Юга России, как способ устрашения и усмирения местного населения.

С весны 1921 г. регион, невзирая на провозглашённую новую продовольственную политику, вступил в очередную фазу развития «бело-зеленого» движения, когда его активными участниками стала масса местных жителей, а мелкие группы превращались в отряды и быстро множились. В это время специфич-

ка ситуации определялась именно широкой поддержкой повстанцев массой казачества и крестьянства. Представители местных органов власти признавали, что продовольственный кризис в регионе провоцирует контрреволюционные настроения. Недолгим оказалось позитивное влияние сообщений о переходе к нэпу и на Кубано-Черноморье. Ситуация была взрывоопасной, разрозненные отряды мятежников стремились объединиться и действовать организованно. Летом 1921 г. большинство отрядов «бело-зеленых» признали главенство «Кубанской повстанческой армии». Это был период попытки консолидации и координации сил повстанцев, но они не увенчались успехом.

Завершение военно-политического противостояния и ликвидацию «политического бандитизма» на Дону следует отнести к весне–лету 1922 г. В целом, к осени 1922 г. Кубань и Дон оказались под контролем большевиков: население всё менее активно поддерживало повстанцев, а большевики вынуждены были изменить модель продовольственной политики. Следующим компромиссом стало принятие Земельного кодекса РСФСР, подтвердившего сложившийся порядок землепользования в южных регионах.

Отмечая, что активная фаза повстанческого движения в период перехода к нэпу хронологически определяется с 1921 г. по 1923 г. следует отметить, что и в 1923–1924 гг. большевики с трудом находили поддержку у местного населения. Элементы социального насилия с элементами политической, составляющей сохранялись до 1926 г. Именно к этому времени, на волне курса «Лицом к деревне», произошло подлинное умиротворение региона. Отличительной чертой нового периода стал не столько протест населения, настроения которого находили отражение в основном в обычных высказываниях критического содержания, сколько существенно возросшая репрессивная активность органов ОГПУ.

В заключении диссертационной работы подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. Анализ экономических и социально-политических процессов в советской деревне, в частности станицах, селах и хуторах Кубани и Дона позволяет сделать вывод, что в период реформ 1921–1929 гг. был осуществлен комплекс экономических и политических мер, которые носили модернизационный характер, основанный как на военно-административных, так и компромиссных решениях. В эпоху нэпа в деревне существовали условия для модернизации аграрного производства на основе индивидуальных крестьянских хозяйств, но при условии государственной поддержки, так как само индивидуальное крестьянско-казачье хозяйство не обладало экономическим и профессионально подготовленными кадрами, обладавшими агрономическими знаниями.

Определяющим фактором стал классовый подход со стороны правящей политической элиты РКП(б)–ВКП(б) в отношении крестьянско-казачьей массы, что предопределило экономические и политические последствия нэпа в аграрном секторе экономики. Весь период нэпа большевики и сельское сообщество в лице крестьян и казаков находилось в состоянии открытого или скрытого противостояния, формируя тем самым основу для принятия компромиссных реше-

ний, способствовавших как развитию крестьянских хозяйств, так и властных институтов большевиков. Формирование низовых советских политической структуры, проходившее под контролем коммунистической партии ликвидировало систему сельского самоуправления, положив начало формированию партийно-советской бюрократии.

С момента прихода к власти до конца 1920-х гг., большевики вынуждены были под воздействием военно-политических и экономических факторов менять содержание своей стратегической цели построения социализма посредством формирования определенной модели взаимодействия с крестьянством, как наиболее многочисленной части населения. Весь период 1920-х гг. РКП(б)--ВКП(б) пыталась проводить гибкую, иногда и компромиссную политику, но при этом исходила из позиции силы, демонстрируя её в кризисных ситуациях. Не имея программы реформ, правящая элита продолжала упорно подводить общество (в том числе крестьянство, казачество) к восприятию тех идей, от которых пришлось отказаться в 1920–1921 гг., т. е. непосредственного строительства социализма, в той концепции, которая была понятна большевикам. Именно идея социалистических преобразований была предметом противостояния власти и общества, в первую очередь крестьянства.

Конфликт власти и общества разрешился победой государственной идеологии, носителем которой была РКП(б)–ВКП(б), дальнейший компромисс со стороны которой не был обязательным. Хрупкая система рыночных отношений 1920-х гг. не смогла противостоять государственному диктату, и переросла в административно-командную систему с жестким государственным регулированием, где компромиссный диалог между властью и обществом был не возможен.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ СОИСКАТЕЛЯ:

*Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:*

1. Яхутль Ю.А. Бело-зеленое движение на Кубани и Черноморье в начале 20-х годов прошлого столетия // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2010. № 3 (37). С. 49–53 (0,3 п.л.).

2. Яхутль Ю.А. Формирование местных органов власти на Кубани в период НЭПа // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2011. № 2 (40). С. 30–33. (0,24 п.л.).

3. Яхутль Ю.А. Ликвидация неграмотности в Кубано-Черноморской области в период новой экономической политики (двадцатые годы XX века) // Образование и общество. Орел, 2011. № 2 (67). С. 98–102 (0,3 п.л.).

4. Яхутль Ю.А. Земельный вопрос в Кубанской станице на начальном этапе новой экономической политики // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. Вып. 2. С. 70–74 (0,36 п.л.).

5. Яхутль Ю.А. Проблемы НЭПа в отечественной историографии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2011. Вып. 1. (74). С. 37–43 (0,42 п.л.).
6. Яхутль Ю.А. Региональная политическая культура казачества Юга России в 1920-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2011. № 3 (28). С. 21–25 (0,3 п.л.).
7. Яхутль Ю.А. Развитие здравоохранения в период НЭПа в Кубано-Черноморской области // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. № 3. С. 295–297 (0,18 п.л.).
8. Яхутль Ю.А. Кризисы НЭПа: второй кризис новой экономической политики 1925 г. // Историческая и социально-образовательная мысль, Краснодар, 2012. № 3 (13). С. 64–68. (0,3 п.л.).
9. Яхутль Ю.А. Роль торговли в рамках новой экономической политики в 1920-х гг. (на примере Кубано-Черноморской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 4 (14). С. 65–69 (0,3 п.л.).
10. Яхутль Ю.А. Партийная организация РКП(б)–ВКП(б) Кубани и Черноморья в 1920-х гг.: организационно-кадровый потенциал // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 176–180. (0,3 п.л.).
11. Яхутль Ю.А. Реализация бюджетной политики в условиях новой экономической политики 1920-х гг. (по материалам Кубани) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. № 3 (79). С. 111–116 (0,36 п.л.).
12. Яхутль Ю.А. Противостояние власти и общества: протестные выступления в начале 20-х годов XX столетия в Кубано-Черноморской и Адыгейской (Черкесской) автономной области // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8, № 5, часть 2. С. 91–96 (0,4 п.л.).
13. Яхутль Ю.А. Выборы Советов на Дону и Кубани (1925–1926 гг.): проблемы выбора курса // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». Москва, 2017. № 12. С. 123–129 (0,4 п.л.).
14. Яхутль Ю.А. Хлебозаготовительные кампании 1927–1928 гг. в казачьих регионах юга России: особенности и исторические последствия // Клио. Санкт-Петербург, 2017. № 11 (131). С. 103–109 (0,4 п.л.).
15. Яхутль Ю.А. Источниковая основа исследований новой экономической политики 1920-х гг. на Дону и Кубани: переосмысление методов анализа // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2017. № 11. С. 72–76 (0,36 п.л.).
16. Яхутль Ю.А. Проблемы рыночной модернизации в период новой экономической политики (1921–1929 гг.) (по материалам Дона и Кубани) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 4. С. 139–145 (0,4 п.л.).
17. Яхутль Ю.А. Казачество и Советская власть: эволюция отношений в системе новой экономической политики 1920-х годов (по материалам Дона и Кубани) // Современная научная мысль. Москва, 2018. № 4. 69–78. (0,6 п.л.).

18. Яхутль Ю.А. Южнороссийская повседневность в эпоху НЭПа (по материалам Дона и Кубани) // Современная научная мысль. Москва, 2018. № 5. С. 112–119. (0,54 п.л.).

19. Яхутль Ю.А. Новая экономическая политика 1921-1929 гг. в современной историографии: основные тенденции, особенности // Современная научная мысль. Москва, 2019. № 3. С. 75–84 (0,7 п.л.).

20. Яхутль Ю.А. Российская модернизация 1920-х гг.: перспективы и результаты // Современная научная мысль. Москва, 2019. № 6. С. 89–97 (0,8 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные базы данных и системы цитирования (Scopus, Web of Science):

21. Яхутль Ю.А. Казачьи хозяйства в условиях новой экономической политики 1920-х гг.: противоречия развития (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 124–134 (1,0 п.л.).

22. Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «Лицом к деревне» как проявление противоречий нэпа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 403–417 (0,5/1,0 п.л.).

23. Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Повстанческое движение в казачьих регионах юга России: причины и политические формы (1920–1924 гг.) // Научный диалог. Екатеринбург, 2020. № 8. С. 428–442 (1,2/0,6 п.л.).

Монографии:

24. Яхутль Ю.А. Временные явления, временные трудности (взгляд на нэп с высоты XXI в.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 186 с. (11,8 п.л.).

25. Яхутль Ю.А. Нэп и крестьянско-казачье хозяйство Советской России (на материалах Дона и Кубани). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. 234 с. (14,8 п.л.).

Иные публикации:

26. Яхутль Ю.А. Мелкая промышленность Кубани и Черноморья в начале 1920-х гг. Краснодар: Советская Кубань, 2009. 161 с. (9,0 п.л.).

27. Яхутль Ю.А. Экономические трансформации в период новой экономической политики (по материалам Кубано-Черноморской области). Краснодар: Традиция, 2014. 280 с. (17,3 п.л.).

28. Яхутль Ю.А., Карапетян Л.А., Чупрынников С.А. Политические партии и профсоюзы Северного Кавказа в формировании политической культуры в конце XIX – первой четверти XX в. Краснодар. Кубанский государственный университет, 2018. 500 с. (17,7/6,5 п.л.).

29. Яхутль Ю.А. Некоторые аспекты законодательной политики советской власти в области аренды (1921–1922 гг.) // Синтез 3. Философия. Право. Экономика. Краснодар, 2005. № 1 (7). С. 104–108 (0,4 п.л.).

30. Яхутль Ю.А. Организация работы мелко-кустарной промышленности (арендованной) // Синтез 3. Философия. Право. Экономика. Краснодар, 2005. № 2 (8). С. 124–136 (0,8 п.л.).

31. Яхутль Ю.А. Социально-экономическое положение Кубано-Черноморской области в конце гражданской войны // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Адлер, 27–31 мая 2005 г. Краснодар, 2005. С. 348–351. (0,2 п.л.).

32. Яхутль Ю.А. Переход к НЭПу: социально-политическая ситуация // Синтез 3. Философия. Право. Экономика. Краснодар, 2006. № 4 (14). С. 86–112 (1,4 п.л.).

33. Яхутль Ю.А. Мелкокустарное производство Кубано-Черноморской области (1917–1920 гг.) // Человек. Общество. Управление. Краснодар, 2006. Приложение. С. 180–182 (0,2 п.л.).

34. Яхутль Ю.А. Органы Рабоче-крестьянской инспекции Кубано-Черноморской области на начальном этапе новой экономической политики (1921–1922 гг.) // Екатеринодар – Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность. Материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 12 мая 2007 г. Краснодар: Адм-ция г. Краснодара, 2007. С. 143–144 (0,15 п.л.).

35. Яхутль Ю.А. Некоторые особенности «бело-зеленого» движения в Кубано-Черноморской области (1920–1921 гг.) // Всероссийская конференция «Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России». XV Адлерские чтения. 22–26 мая 2009 г. Краснодар, Традиция, 2009. С. 567–570 (0,24 п.л.).

36. Кубань и Черноморье: социально-экономические и общественно-политические проблемы в начале 1920-х гг. // 100-летие курорта Сочи: историко-культурные, лечебно-оздоровительные и природно-географические аспекты: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Сочи, 3–5 июля 2009 г. Сочи, 2009. С. 112–115 (0,3 п.л.).

37. Яхутль Ю.А. «Бело-зеленые» формирования на Кубани в начале 20-х XX в. // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв. Уроки истории и вызовы современности: материалы международной научно-практической к 65-летию победы в Великой Отечественной войне. XVII Адлерские чтения. Материалы Всерос. конф. 21–25 мая 2010 г. Краснодар: Традиция, 2010. С. 564–567 (0,2 п.л.).

38. Яхутль Ю.А. Что получил крестьянин в период НЭПа // Проблемы развития и взаимодействия: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 2--6 окт. 2010 г. (XVIII Адлерские чтения). Краснодар: Традиция, 2010. С. 461--464 (0,24 п.л.).

39. Яхутль Ю.А. Формы крестьянских антиправительственных выступлений в условиях перехода к нэпу в Кубано-Черноморской области // Материалы VI Международной научной конференции: Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи 1939 года: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар: Эконинвест, 2010. С. 144–154 (0,66 п.л.).

40. Яхутль Ю.А. Развитие торговли на начальном этапе НЭПа в Кубано-Черноморской области (1921–1924) // Былые годы. Сочи. 2011. № 1 (19). С. 37–39 (0,18 п.л.).

41. Яхутль Ю.А. Малый бизнес: прошлое и настоящее (из истории новой экономической политики двадцатых годов XX столетия) // Проблемы обеспечения экономической безопасности и качественной социохозяйственной динамики: экономико-правовые аспекты: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., ОАЭ, Дубай 1–8 февр. 2013 г. Краснодар: Изд.-полигр. центр КубГУ, 2013. С. 401–408 (0,48 п.л.).

42. Яхутль Ю.А. Развитие образования на Кубани в первой половине 1920-х гг. // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. сборник статей Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 7–11 окт. 2016 г. Краснодар: Традиция, 2016. С. 330–336 (0,35 п.л.).

43. Яхутль Ю.А. Новая экономическая политика 1921–1929 гг.: поиск путей развития // Кубанские исторические чтения. Материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 21 июня 2019 г. Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2019. С. 69–74 (0,48 п.л.).

44. Яхутль Ю.А. Фонды архивов Ростовской области и Краснодарского края как источник по истории региона в 1920-х гг. // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2019. С. 214–220 (0,5 п.л.).

45. Яхутль Ю.А. Адыгейская (Черкесская) автономная область в первой половине 1920-х гг.: особенности и закономерности развития // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сб. науч. тр. к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа, 2019. С. 270–273 (0,3 п.л.).

46. Яхутль Ю.А. Политическое просвещение: проблемы и пути решения (на примере новой экономической политики 1920-х гг.) // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. Сборник статей Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар: Традиция, 2019. С. 313–317. (0,3 п.л.).

47. Яхутль Ю.А. Малая гражданская война на Дону и Кубани в 1920–1923 годах // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике. Материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Александра Александровича Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Суханова (1934–1989). Ижевск, 2019. С. 336–344 (0,5 п.л.).

48. Яхутль Ю.А. Кубань и Адыгея от ревкомов к становлению советов в 1922 году // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей VII Междунар. науч. конф., посвященной 25-летию Ингушского государственного университета. Назрань: Ингушский государственный университет, 2019. С. 356–359 (0,24 п.л.).

49. Яхутль Ю.А. Политическая культура казачества юга России в условиях реформ 1920-х гг. // VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и приклад-

ные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2019. С. 362–366 (0,3 п.л).

50. Яхутль Ю.А. НЭП как необходимость // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сб. науч. трудов. Краснодар, 2019. С. 43–48 (0,4 п.л).

51. Яхутль Ю.А. Кубанская станица в 1920-х гг. // Актуальные проблемы современности: наука и общество. Балаково, 2019. № 3 (24). С. 65–68 (0,3 п.л).

52. Яхутль Ю.А. Казачий Юг России в системе либеральных реформ 1920-х годов // Казачество в конце XIX – начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 27-28 июня 2019 г. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2019. С. 88–92 (0,3 п.л).

53. Яхутль Ю.А. Кубанская станица в годы новой экономической политики (1921–1929 гг.) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием 13 марта 2020 г. Санкт-Петербург, 2020. Вып. 11. С. 273–278 (0,35 п.л).

54. Яхутль Ю.А. Советская Россия в 1920-е гг. (к вопросу о монополии большевиков на политическую власть) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сб. науч. трудов. Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2020. С. 39–42 (0,2 п.л).

55. Яхутль Ю.А. Новая экономическая политика 1921–1929 гг. (к вопросу о причинах и итогах). Кубанские исторические чтения. XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 30 июня 2020 г.). Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2020. С. 72–79 (0,6 п.л).

56. Яхутль Ю.А. Крестьянские письма как исторический источник (на примере издания «Крестьяне о советской власти» 1929 г.) // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Туапсе, 1–3 октября 2020 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2020. С. 178–184 (0,4 п.л.).

Яхутль Юрий Асланбиевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ
С КАЗАЧЕСТВОМ И КРЕСТЬЯНСТВОМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
1921–1929 гг. (НА ПРИМЕРЕ КУБАНИ И ДОНА)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 23.09.2020 г. Формат 60 x 84 1/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 3,0. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.